

НАВКЛЕР ВИАЛ

КНИГА

ОБЯЗАННОСТИ ВЕРНЫХ

АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ

16+

Алексей Егоров

**Навклер Виал 6:
Обязанности верных**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Егоров А.

Навклер Виал 6: Обязанности верных / А. Егоров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04555-2

Покинув друзей, Виал дал Эгрегию время на поиски себя. Он оставил с другом Хенельгу. Она заботилась и приглядывала за парнем. Сам же Виал спешил на запад, чтобы принять собственную судьбу. Только под знаменами он сможет исполнить задуманное. Отказываясь видеть предначертанное, навклер потратил много времени. Как Эгрегий, он топтался на месте. Мудрость не приходит с возрастом. Мудрость оплачивается ошибками. Лишь бы в процессе выжить. Разобщенные друзья встретятся, чтобы завершить предприятие. Приняв судьбу, они исполнят клятвы. Стараниями троих начнется новая эпоха в истории Государства.

ISBN 978-5-532-04555-2

© Егоров А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Волны не прекращают разрушать землю, стирают линию берега. Иногда земле это надоест, она дергается, вздымается и опадает, тогда море отступает. Со дна морского поднимаются острова, соединяющиеся в массив.

Море вернется, чтобы забрать то, что люди не в состоянии утащить, припрятать.

Так случилось с прибрежными кварталами Саганиса.

Прошло столетие со дня основания. Колонисты выбрали место для полиса на мысу. Постепенно город разросся, занимая ничейную территорию. Колонисты начали робко заглядывать в варварские земли. Но данаи больше доверяют морю. До тех пор, пока не вернется вода.

Нижний город оказался затоплен. Останки построек торчали из воды, волны стремились разбить кирпичные кости. Искусственные рифы защищали Саганис с восточной стороны, закрывая вход в узкую гавань. Люди постарались, укрепив рифы. Натянули цепь, поддерживаемую плотами. Построили укрепления.

Восточная стена полиса, выходящая на залив, низкая. Колонисты не ожидают нападения со стороны залива. Да и кто рискнет прорваться через затопленный район, где ни корабли, ни пехота не пройдут.

И все же, стена опоясывает город. Даже с востока она выглядит внушительно.

– Не похоже на Циралис, – посмеялся Эгрегий.

Полису данаев явно приходилось переживать не одну осаду. Для того были возведены стены. Ведь захватить этот приз мечтают все. Контроль над городом – контроль над проливами.

Даже данаи только условно владели Саганисом.

Полис сохранял независимость, хотя не задерживал поставки на юг.

О таком не знают Эгрегий и Хенельга. Однако они понимали, что полис является ключом к победе.

– Сколько людей потребуется, чтобы его захватить? – спросила Хенельга.

– Много. Еще машины. Тысячу кораблей.

Но хотя бы баллисты гирцийцы умеют строить. Поблизости достаточно камня и строевого леса, чтобы возвести насыпи, башни, онагры, баллисты и тараны. Вот только, где взять армию?

Эгрегий помнил обещание Виала привести сотню судов! Это явное преувеличение. Не требуется знаний стратегем, чтобы понимать – такую армаду не прокормить.

– Может быть, твоя идея поднять степь, не такая уж абсурдная?

– Может быть.

Это казалось не так сложно, как привести флот.

Иноземцы расположились на восточном мысу, что был отделен от Саганиса тем самым заливом с затопленными районами. К северу продолжалась территория города, от стен к новому порту проложена дорога. Проскочить порт удалось просто чудом. Лодка сама нашла направление, течение выбросило Эгрегия и Хенельгу именно здесь. Словно морской бог хотел указать путь.

Слабая точка обороны, доступ для контрабандистов. Ведь наверняка через эту стену ведет множество проходов. Остается их только найти.

На краю мыса почва для растительности неблагоприятна. Засоленная, продуваемая ветрами. Воздух тяжел от песчаной пыли.

Желтая пыль, серая трава, выцветшая на солнце. Среди них порой пробивались зеленые ростки, их жесткие стебли больно ранили кожу.

Нет пресной воды.

Потому колонисты оставили этот мыс брошенным. Ни полей, ни огородов. Лишь одинокая сторожка на южной оконечности мыса. Строение давно заброшено, потому Эгрегий и Хенельга без боязни располагались там на ночлег. Огонь не разводили, да и где тут топливо добыть?

Лодку они спрятали в одной из пещер у основания мыса. Разбирать ее не стали, возможно, придется воспользоваться ей.

Пройти в залив на лодке быколоудей удастся, тут Эгрегий не сомневался. Мягкие борта, гибкие штевни защитят судно от повреждений. Низкая осадка позволит пройти там, где не пройдут большие корабли.

Возможностей, чтобы проникнуть в город – множество. Но зачем?

– Что же нам делать? – задал Эгрегий риторический вопрос.

Хенельга не могла ответить. Она понимала, что ее друг ищет не столько возможность отомстить данаям. Ярость он смог утолить, благо по пути попадалось множество поселений данаев. Рыбацкие дереvушки, небольшие фермы, одинокие хижины.

Что нельзя взять себе, пожертвовали морю или огню.

Патрульные суда Саганиса ушли на север, пытаясь отыскать пиратов. Чужаки воспользовались этим и проскочили на юг.

Теперь Эгрегий искал возможность отплатить другу за его терпение и поддержку. И не зря же Мефон привел их на полуостров, откуда открывался соблазнительный вид на Саганис.

Нужно только понять, что им показывает покровитель.

– Ничего не понимаю, – покачал головой Эгрегий.

– Может, стоит проникнуть в город. Разведать, что там происходит.

– Риск. Мы слишком приметны.

– Это торговый город, здесь должны появляться иноземцы.

– Согласен.

– Но?

– Сейчас зима, а в это время в море выходят только глупцы вроде нас. И к тому же, – Эгрегий вздохнул, – иноземные торговцы живут либо в отдельном районе, либо пользуются услугами гостеприимства.

Эгрегий поразился, что знает подобное. А ведь все это рассказывал Виал. Удивительно, но даже услышанное вполуха запомнилось.

– А эти гости не одно поколение сюда являются, – поняла Хенельга.

– Да. Видать, у вас так же.

Неприятно сравнивать себя с данаями, но Хенельга согласилась.

– Если мы не можем проникнуть в город, как гости, так может, попадем туда, как враги? – предложила она.

Эгрегий взглянул на нее, в его взгляде читалось непонимание.

– Как они поступят с иноземцами, что окажутся у стен города?

– Пленят, бросят в темницу, пока не продадут на рынке.

– А где эти темницы располагаются?

– Казармы. Точно, казармы!

Оказавшись внутри, они смогут изучить внутреннюю структуру полиса, а главное – его оборонительные сооружения. Запомнят основные улочки, пути подхода к казармам, агоре Саганиса, путь к акрополю и цитадели. Заманчиво.

– Опасно.

– Как все, что мы предпринимали ранее.

– Все равно, что сунуться в болото. Ты хоть представляешь, что нас ждет?

– Награда стоит того, – возразила Хенельга. – К тому же, нам уже удалось сбежать из плена.

- Да не единожды, – улыбнулся Эгрегий.
 - Так почему ты сейчас осторожничаешь?
 - Потому что знаю, что ты предложишь.
- Хенельга улыбнулась и кивнула.

Идти вместе – бессмысленный риск. Не удастся поддерживать друг друга, ведь данаи разделят пленных. А раз так...

- Тебе придется остаться за стенами, – сказала Хенельга.
- Я знал, что ты это скажешь.

Эгрегий поднялся, но далеко не отошел. Он не собирался прерывать разговор. Его даже переубедить не требовалось, ведь понимал, что иного пути нет.

И все же, Хенельга не могла сразу перейти к плану.

– Тебя они сошлют в шахты, не успеешь изучить город. Поранят. Какая судьба ждет иноземца?

- Шахты или работа на ферме, – Эгрегий пожал плечами.
- А для женщины?
- Для ферм слишком дорого. Работать в городе, так или иначе.
- Вот именно! – Хенельга поднялась.

К тому же, данаи не станут воспринимать ее всерьез. Просто женщина, бесправное животное, только мечтающее о том, чтобы найти хозяина. Она не враг, потому что не может держать оружие. От нее не станут скрывать расположение казарм, агоры, храмов, домов знати. Даже до места содержания ее проведут пешком, а не в закрытой телеге. Не станут калечить.

Ей удастся выдать себя за потерпевшую кораблекрушение. Месяцы пути отразились на внешнем виде Хенельги, она даже для работы в публичном доме не подойдет.

Хотя не сказать, что ее смутила бы такая перспектива.

Рабы зависимы от хозяев, с другой стороны рабов не замечают и не воспринимают, как людей. Именно этим Хенельга собиралась воспользоваться, чтобы сбежать.

- А если тебя решат заклеить? – зашел с другой стороны Эгрегий.

Порядки в колониях могут отличаться от тех, что существуют в метрополии.

- Раны на теле не так страшны, как раны духа.

Эгрегий хотел возразить, но потом подумал, что у подруги иное представление о бесчестье.

Для нее позорным будет подвести друга, старшего товарища. Она права – раны на теле, всего лишь раны. Они причиняют страдания, что не сказывается на крепости духа.

Они могли бы уйти вместе, пройти мимо Саганиса. Ведь это мечта Виала, а не их. Хенельга понимала, что это меньше, чем она может отплатить Виалу.

- Ладно, – согласился Эгрегий, – ты права. Все же, я считаю, это опасно.
- Как пересекать пустыню на деревянном коне.

Море изменило их, не сделало их смелыми героями, зато помогло избавиться от страха смерти. Они привыкли к опасностям, воспринимали их как дождь, град или снег. Ругай стихию, кричи на нее. Стихии все равно, что о ней думают люди.

- Условимся, сколько времени ты проведешь в городе.

Хенельга кивнула и принялась чертить палочкой на песке схемы.

Расстались они через два дня. Свинцовые тучи сдавили мир с трех сторон, только на западе угадывались проблески заходящего солнца. С неба срывался мокрый снег.

Хенельга не стала брать припасов, оружия. Она потерпела кораблекрушение, по воле случая оказалась рядом с Саганисом. Эгрегий перевез подругу на юг, высадил на берегу возле стен города. Наскоро обнялись, не прощались. Эгрегий оттолкнул лодку от берега и вывел ее

на середину пролива. Течение унесло его дальше на юго-запад, к мысу, где они простились с Виалом.

Это словно случилось тысячи лет тому назад. Берег ничуть не изменился. Стружку смел ветер, на камнях остались следы канифоли и смолы, в каменном ложе для строящейся лодки стояла вода.

Уходя, иноземцы постарались скрыть следы.

Многое осталось.

Эгрегий испытал грусть, видя мусор. Ветер разметал его друзей по миру. Теперь он остался один, месяц проведет в лесах, прячась от данаев и варваров. Месяц беспокойства о судьбе Хенельги.

Спрятав лодку высоко от кромки воды, Эгрегий ушел на мыс. Там он охотился в прошлой жизни. Так что Эгрегий не беспокоился о пропитании. Оружия есть, припасов достаточно, но к возвращению Хенельги, следовало накопить еще.

О возвращении Виала Эгрегий не думал. Пусть тот обещал вернуться, как задуют теплые ветра. Это только слова.

И пусть слова меняют мир, стоит их только произнести, не каждый человек способен произвести такие изменения.

Хенельга обещала вернуться, тоже обещал Виал. Но Эгрегий все равно испытывал сомнения.

Колонисты заметили бредущую к стене женщину. Выглядела она как оборванка, грязь и соль изменили внешность. В этой замухрышке никто не мог узнать воительницу, что наводила ужас на поселенцев к северу от полиса.

Патрульные взяли чужестранку в плен, не расспрашивали об ее происхождении и судьбе. Лишь убедились, что она понимает речь данаев, и повели в город.

Через боковую калитку во воротах, Хенельга под конвоем двух воинов прошла в Саганис. Успела рассмотреть ворота, запомнить количество защитников.

Полис был меньше тех, что видела она южнее. Сжатый со всех сторон стенами, Саганис ограничивал свой рост. Стены лишь служили внешней оболочкой, в которой пророс полис. Не стены, не море, сжимали город со всех сторон, а враждебные степи. Формально окрестные земли принадлежали полису, но по факту колонистов ничто не могло защитить. Варвары порой прорывались через укрепления в Горловине, грабя фермы, поселения, осаждая сам город. А потом они растворялись в пустоши, словно их и не было.

Потому на чужестранку не обратили внимания.

В окрестностях постоянно появляются и пропадают люди. Словно пыль, принесенная ветром. Проходящие через проливы корабли разбивались, команда могла спастись, а могла и погибнуть. Уцелевшим не всегда везло, вместе с имуществом, моряки теряли свободу, как только выходили на берег.

Хенельгу отвели к казармам, что располагались у западной стороны акрополя. Постройки примыкали к внутренней стене, что окружала цитадель и храмовые комплексы. Сама стена не была высокой, да и верхний город едва ли на пару футов возвышался над окрестностями. Поселение выросло из этого укрепления на холме. Пока колонисты не освоили окрестности, отбросив варваров вглубь пустошей. О прошлом напоминали древние, деревянные храмы. Их еще не перестроили, возведя монолитные каменные постройки.

Обычные, грунтовые дороги на всем протяжении пути. Шелуху от орехов сметает ветер, прибывает к обочине. Мусор травмирует ноги, горожанам приходится носить сандалии. А зимой утепляться, нося варварские штаны и носки.

Над дорогами нависали трехэтажные дома, с отслаивающейся побелкой. Влажные ветра с проливов стремились уничтожить человеческие постройки. Металлы окислялись, побелка

отслаивалась. Первые этажи покрывал зеленоватый налет. Город пропитался запахом моря. С небольшой примесью дыма.

В городе построено несколько каменных строений. Саганис часто страдал от пожаров, но его не перестраивали. Импортировать камень – дорого. Проще уж отремонтировать постройки.

Многочисленные мастерские весь день дымили. Улицы застилал пропитанный сажей туман. Город жил своей жизнью, дышал сажей и дымом. Преобладающим оттенком были серый и зеленый, что отличало Саганис от южных городов, где больше красного, синего и белого.

Саганис не походил на богатый город, роскошь не знакома горожанам. Колонисты вынуждены работать. Мастерские стали сердцем города. Они питали его, обеспечивали положительный торговый баланс. Только сидя на проливе, Саганис не смог бы выжить.

Золото, шелка, иноземные продукты питания – это не интересовало жителей города. Деньги вкладывались в оборону, в снабжение. Пусть в порту нет двух сотен кораблей, зато каждый воин в полисе носил броню, купленную в Тритогении, бронзовые щиты и шлемы сверкали на солнце.

Качественное оружие, и люди, умеющие им пользоваться.

Хенельга успела насчитать два десятка воинов у казармы, прежде чем ее бросили в темницу. Казалось, это мелочь, если не принимать во внимание общее количество граждан Саганиса.

Ведь каждый мужчина в поселении может взять в руки копье и подняться на стену. А тут проживает не менее пяти тысяч граждан. Огромная сила для провинциального поселения.

Даже не имея представления о практике войны Хенельга понимала, что город взять штурмом не удастся. Потребуется огромная армия, которой у друга не будет. А к армии потребуется время, ведь любой успешный штурм предваряется долгой подготовкой.

Женщину оставили в подземелье, принесли еды и не трогали несколько дней. Тут внизу не хватало света, зато пахло свежей соломой и пряностями. Хенельга не узнавала запаха. В Саганисе сходились многочисленные торговые пути. Не только море снабжает город. Ведь на востоке, по ту сторону пролива варварское царство Синдов.

Хенельга увидела немного, но обрела понимание, которого не хватало друзьям.

А в это время данаи уточняли: вдруг женщина принадлежит кому-нибудь из граждан. Тогда бы ее вернули, взяв выкуп, конечно же. А раз хозяин не найден, появилась возможность выставить пленницу на продажу.

Женщину привели в порядок, дали чистую тунику, а после отвели на рынок. Небольшая площадь к югу от акрополя использовалась для заключения торговых сделок, торговлей живым товаром. Тут же находились лавки менял под навесом в восточной стороне.

Как и предполагалось, в публичный дом пленницу продавать не стали. Комплекция и общий изможденный вид спасли от позорной работы.

Покупателей собралось немного.

Стоя на помосте, Хенельга из десятка покупателей смогла отделать только одного фермера. Женщина – единственный товар на сегодня. На рынок Саганиса редко поступает живой товар, потому рабы стоят дорого.

Фермер быстро потерял интерес к товару. После пары ставок, он уже не мог угнаться за горожанами. Хенельга мысленно возблагодарила Мефона. Оказаться на ферме она не хотела, не только потому, что это тяжелая работа.

Происхождение пленницы, а так же ее навыки, покупателей не интересовали. Всегда можно обучить рабыню, если это потребуется. Даже внешний вид их не очень беспокоил. Раб – это статусная покупка.

Граждане Саганиса одевались скромно, не носили украшений и не использовали косметику, как это принято среди граждан метрополии. Но оказавшись на помосте для рабов, Хенельга поняла, что местные люди не бедные. Просто они вкладывают деньги правильно.

Колонисты не только богаты, но и умеют защищать сбережения.

Покупатели выкрикивали ставки, постепенно отсеиваясь. Люди не расходились, ведь итог аукциона должен стать событием! Выявить, кто из граждан самый богатый и успешный.

Зрители заключали пари – кому достанется рабыня.

Из пяти фаворитов гонки осталось трое, а потом сражение велось между двумя гражданами.

Неожиданно Хенельга испытала гордость, ведь ее оценили высоко. Как многие варвары, она спокойно относилась к рабскому статусу. Сегодня ты раб, а завтра займешь царский престол. На все воля богов.

Это граждане Обитаемых земель трясутся над статусом. Бесчестья боятся больше смерти.

Может быть, в этом причина их успеха.

Хенельга мало что понимала из выкриков покупателей и продавца. Говорили они вроде как на данайском, используя местный диалект. Хенельга не успела с ним познакомиться, а тут еще жаргон торговцев.

Лишь названную стоимость понимала Хенельга. В Циралисе она смогла бы на эти деньги открыть книжную лавку да нанять переписчиков. Год бы точно протянула.

К сожалению, деньги перекочевали в кошелек продавца. Товар был передан на руки гражданину. На взгляд Хенельги этот человек мало чем отличался от других мужчин. Такой же бородатый, смуглый с обветренным лицом. По местным обычаям он носил серый плащ, под которым была такая же серая туника. Цыплячи ноги торчали из-под края одежды. Штаны он не носил из уважения к Закону.

Лишь обувь отличала человека.

Закрытые сапожки вещь дорогая и статусная. Остальные носили сыромятные башмаки на толстом шерстяном носке.

Передав пленницу, продавец взял расписку у гражданина и ушел в базилику. В колонии большинство договоров оформлялось такими вот записками. Простые граждане почти не видели серебряную монету. В ходу только бронза или медь, да и то импортные. Саганис не считал нужным выпускать собственную монету.

Покупатель обменивался фразами с согражданами. Те хвалили его за удачную покупку, старались примазаться к его успеху. Кто-то наверняка рассчитывал, что его пригласят на вечерний пир. Удачную покупку следовало зафиксировать во время попойки, боги предпочитают радоваться успеху вместе с людьми.

Эти традиции передались колонистам из метрополии. В основном потому, что всегда хочется расслабиться после тяжелого дня.

Хозяин – а теперь его следовало звать именно так, – не спешил приглашать сограждан на пир. Он принимал поздравления с видимым безразличием, а потом взял покупку за руку и повел в сторону малой базилики.

Там гражданин нашел магистрата, который за «долговую» расписку оформил покупку. Раб не просто вещь, а все же человек. Он может уйти, сбежать. А потом начнет утверждать, что является свободным. Найдется другой хозяин, дойдет дело до суда. Продавец подтвердил право владения гражданина.

Магистрат занес в табличку описание внешности рабыни, отметил ее имя. Хозяин назвал ее Фризой. По имени соседей варваров. Истинное происхождение не волновало данаев.

Закончив с формальностями, граждане наконец-то смогли заняться любимым делом. Устать от болтовни они не могли. Хенельга понимала немного из услышанного. Проклятый диалект, к нему сложно привыкнуть.

Оказавшись на улице, хозяин остановился и спросил у рабыни:

– Тебя как звать?

Хенельга удивилась. Она прекрасно знакома с повадками данаев. Им проще дать рабу кличку, чем запоминать имя.

– Хенельга, – представилась она.

– А меня Аристокитон сын Фелиста. Ты будешь служить моей жене Вилитресте.

– Да, господин.

– Тебя что-то удивляет?

Хенельга задумалась, но потом покачала головой. Пусть этот данай пытается казаться хорошим. На самом деле он всего лишь хитрый торговец. Виал поступил бы так же. Зачем возвращать ненависть в своем доме, если можно внушить рабу, что он не просто говорящее орудие.

– Раз нет, – сказал Аристокитон, отпуская руку Хенельги, – пойдем ко мне домой.

Он пошел по улице, даже не оглядываясь.

Это выглядело странным, даже удивительным. Хенельга понимала, что ей-то деваться некуда. Ее просто вернут хозяину, где она получит в подарок кандалы и плеть. Так зачем портить себе жизнь?

К тому же, это хорошая возможность, чтобы познакомиться с Саганисом и его гражданами.

Хенельга пошла следом за хозяином.

Впечатления не обманули Хенельгу: хозяин состоятельный человек. Он жил в особняке на тихой улочке к югу от акрополя. Достаточно далеко от рынков, кварталов ремесленников, но в шаговой доступности от них. Двухэтажный дом, окруженный стеной, которая скрывала от сторонних взглядов все, происходящее внутри.

Строение из дерева, зато с черепичной крышей. Только сараи во дворе крыты соломой, но их не видно за высокими деревьями. Рядом с хозяйственными постройками разбиты огородики, на которых созревали овощи. Большую часть урожая уже убрали. Засыхающие душистые травы одинокими кустами росли на голой земле.

Скотины здесь не держали. Чем занимается Аристокитон, Хенельга не смогла понять. Вообще, чем живут данаи, она знать не могла. Хозяин мог быть торговцем, а может, владел землей за стенами города. Спросить напрямую страшно.

Такое любопытство наказуемо.

В дом они вошли через боковую дверцу, что вела на кухню. Здесь никого не оказалось. Из очага выгребли золу и угли. От печей шел жар, в них совсем недавно готовили пищу. Рядом с кухней находился вход в подвал, где хранились припасы. Рядом комнатка ключницы – женщины в годах, которая еще помнила Аристокитона ребенком. Ей-то хозяин передал новую рабыню.

– Объяснишь обязанности. Покажешь дом. Завтра начинает.

Он уточнил насчет ужина. На вечер Аристокитон пригласил друзей, почти ни один вечер у данаев не обходится без пирушки. Ты либо ходишь в гости, либо приглашаешь к себе. С заходом солнца общественная жизнь не затихает. Редкий человек предпочитает уединение, закрываясь от соседей за высокими стенами.

Хенельга стояла в стороне и не особо прислушивалась. Имена, что упоминал Аристокитон, ей ни о чем не говорили. Из разговора невозможно понять, чем занимаются приглашенные на пир.

В самом доме проживало не больше десятка рабов. Большого для поддержания особняка не требовалось. Покупка еще одной рабыни стало просто блажью хозяина. Потому обязанности Хенельги не были сильно уж напряженными.

Ей приходилось вставать рано, чтобы сходить за водой. Ближайший фонтан располагался в ста шагах от особняка. Район обеспечивался водой, что отличало его от бедняцких кварталов.

У источника уже толпились женщины из домашних рабов. На новенькую обратили внимание, но не спешили знакомиться. Набрал воды, женщины шли обратно.

Требовалось приготовить завтрак, кто-то занимался утренним туалетом хозяек. Другие сидели с детьми или занимались шитьем.

От Хенельги требовалось лишь помогать на кухне, да убираться в доме. Шить она не умела, а свои резчицкие навыки скрывала до поры. Хозяйка дома не обратила внимания на новенькую – хозяйке хватало двух рабынь, что постоянно находились рядом. Детей в доме не было. Хенельга не смогла понять, то ли это бездетная пара, то ли их дети уже выросли и покинули отчий дом.

Хозяин возвращался домой вечером, а после почти сразу уходил на пирушку к друзьям. Новая рабыня почти не пересекалась с ним, лишь мельком видела, когда Аристокитон возвращался.

Дом для зажиточного даная место, где он проводит ночь. Вся жизнь снаружи. И что это за жизнь, Хенельга едва ли знала. Ей редко доводилось выходить на улицу. Да и то она видела только улицы квартала с его не особенно поразительными строениями.

Стены, окружающие особняки. С севера возвышалась стена акрополя, деревянные фронтоны храмов над ней. С юга другая стена – опоясывающая Саганис. Там должен находиться порт.

Привыкая к жизни в особняке, Хенельга научилась находить возможность улизнуть. Много свободного времени, отсутствие привратника. Даже ключница, у которой новая рабыня всегда на виду, почти не бранила ее. Порядки в особняке оказались свободными. Никто не стремился испортить жизнь соседу. Люди жили в удовольствии, больше заботясь о себе, чем о хозяевах.

Расслабленное существование в особняке разительно отличалось от кипучей жизни в Циралисе. Хенельга чувствовала себя неуютно. Болтливые данаи из метрополий отличались от граждан Саганиса, что предпочитали просто наслаждаться покоем, а не бегать по улицам с криками и визгами.

Возможно, в другое время и жизнь в городе течет иначе. С наступлением зимы, людям нечем заняться. Короткий день усыплял, сократил время, что проводят граждане за стеной.

Опустели огородики, редкие островки зелени еще торчали из коричневых грядок. Большая часть урожая перекочевала в хранилище или сарай. Рабы освобождены от ежедневных обязанностей. На женщинах лежала обязанность готовить еду, поддерживать порядок в доме. В остальное время, они предоставлены сами себе.

Остальные рабыни занимались шитьем. Изготавливали одежду для себя, но и что-то на продажу. У всех них имелись сбережения, которые они намеревались употребить в том или ином виде. О свободе никто из них не думал. И Хенельга понимала, почему.

Хенельга не хотела сидеть с остальными во внутреннем дворе, заниматься шитьем.

Но бродить по улицам Саганиса просто так Хенельга тоже не могла. На одинокую женщину сразу обращали внимание. Ее статус очевиден, так что любой гражданин мог схватить ее за руку и потребовать ответа.

Потому она брала с собой несколько кувшинов или мотки тряпок. Вроде шла к источнику или на рынок. Данаи почти не замечали рабов, если они выглядели занятыми. А вот праздношатающийся человек – сразу привлекает внимание.

Хенельга стала ходить на рынок, где продавала ткани, изготовленные другими рабынями. Только так она могла им помочь, разделить их труды. К тому же с хорошо подвешенным языком, она почти всегда выторговывала неплохую цену. Подтянула знание языка. Торговать сама Хенельга не могла, но ткани охотно брали торговцы на рынках.

К тому же Хенельга почти ничего не брала себе. Лишь пару медяков с каждой сделки, по большей части, чтобы не возникало вопросов у подруг.

На рынке перестали обращать внимание на чужестранку. К Хенельге привыкли. Она смогла познакомиться с местными торговцами. По большей части разговоры с торговцами касались только продажи тканей, но иногда удавалось узнать о жизни в городе.

Уходя на рынок или возвращаясь, Хенельга всегда выбирала новую дорогу. Узкие улочки, невысокие дома, расположение источников и общественных строений. Хенельга запоминала все, понимая, что это со временем пригодится.

Записывать не рисковала, подобное всегда обнаружится. Тем более грамотная рабыня – угроза для хозяина.

Деревянные дома выглядели ненадежно, словно скорлупки. Они едва ли могли защитить граждан от пламени, что обрушат на них осаждающие войска. Но до этого было еще далеко.

Меньше чем за месяц Хенельге удалось найти общий язык со всеми домочадцами. Она не стремилась к первенству среди рабов, не подлизывалась к хозяевам, всегда была вежлива и помогала другим. Подобная тактика принесла плоды. Люди доверяли ей тайны – по большей части бесполезный треп.

Хорошее отношение открывало двери, позволяло вырваться из серой обыденности и больше времени проводить на улице.

Спокойное время отразилось на внешнем виде женщины. Простая, но качественная еда, а главное – употребляемая регулярно, положительно сказалось на фигуре. Всего лишь месяц потребовался, чтобы восстановиться.

Саганис небольшой полис, его можно пройти за пару часов из одного конца в другой. Для рабыни оставался закрытым путь только на акрополь. Единственный, кто мог открыть эту дверь – хозяин Аристокитон.

Хенельга начала приглядываться к хозяину, искать его слабые стороны.

Не сказать, что Аристокитон был в чем-то уникальным. Ел и пил как все, иногда ходил в публичный дом, что никогда не порицалось в данайском обществе. Излишеств себе не позволял – на рабынь он смотрел, как на инструменты. Спать с ними не считал необходимым.

Даже гетеры не интересовали Аристокитона. Хотя в Саганисе, как удалось узнать Хенельге, было всего две гетеры. Общение с ними вопрос статуса, не всякий знатный человек, мог с ними общаться.

Статус – за ним всегда гнались мужи из высшего общества. Именно эту слабость обнаружила Хенельга. А как ее использовать, она догадалась сразу.

Общение среди равных опирается на взаимные услуги. Эти знаки внимания являются примерно тем же, что сказать другу на улице «привет». Но если простое слово не стоит человеку ничего, то обмен подарками может разорить семью. А так же вечерние посиделки, болтовня на рынке, постоянная возня в попытках чуть приподняться над другими.

Аристокитон не так часто приводил друзей к себе. Такое случалось раз в восемь дней, как заметила Хенельга. До зимних праздников еще далеко, так что данаи развлекались в своем кругу.

И словно не замышляя ничего, Хенельга принялась вырезать из дерева фигурки. В основном мелочь, которую не жалко выбросить. Это был ее способ привлечь к себе внимание хозяина, а так же скоротать время. Поделки Хенельга дарила другим домашним рабам. Говоря, что это занятие напоминает ей о доме. Потому даже не возникало у нее мысли продавать эти поделки.

Вскоре в доме все рабы обзавелись резными предметами, сделанными Хенельгой. У женщин это были гребешки или изящные сережки, а мужчинам она дарила амулеты, популярные среди данаев.

Потребовалось несколько дней, чтобы хозяева заметили безделушки, появившиеся у рабов. Аристокитону не составило труда узнать, из какого источника возникли удивительные поделки.

Хозяин нашел Хенельгу во дворе, где она, уйдя в себя, занималась изготовлением очередного предмета. Только в этот раз она делала не мелочь, с которой не жалко расстаться, а вырезала морское чудовище. Одного из тех, на которых охотились ее родичи.

Предмет, словно по волшебству проявляющийся из мягкого дерева, выглядел живым. А Хенельга, словно не замечала, подошедшего хозяина. Она слышала его дыхание, слышала, как скрипел песок под подошвами его сандалий, но не подавала виду.

Сложное изделие, не просто должно удивить Аристокитона, но напугать его.

Морское чудовище было спрутом, огромным монстром из глубин. Резчики охотились на них, но чаще теряли в борьбе с гигантом суда. И все же, мясо этой твари ценилось, использовалось в ритуальных практиках.

Чужаки это не знают, но фигурка спрута узнаваема.

Аристокитон видел в руках рабыни не чудовищного спрута, а обычного осьминога. Лишь несколько непривычная форма его головы удивляла. Морской гад выглядел знакомым, но странным, словно родился силой воображения. В вырезаемых глазах существа таилась злоба.

Щупальца спрута затейливо переплелись. Гибкое и длинное лезвие ножа отсекало тонкую стружку, из-под которой возникали текучие конечности твари. Хенельга постаралась, вложила в поделку все мастерство. На щупальцах твари появились присоски, десяток штук на каждой конечности. У живой твари эти присоски размером с человеческую голову, а на поделке напоминали кожные поры.

Центр тяжести поделки располагался так, что фигурка не могла найти равновесие. Поставленная, она долго раскачивалась, а переплетение щупалец словно двигалось. Деревянная фигурка оживала и плыла в воздухе. Глядевшему на это, чудилось не только движение, но и запахи воды, шум порывистого ветра.

– Что это за существо? – спросил Аристокитон.

Хенельга вздрогнула, словно вопрос хозяина застал ее врасплох. Она прижала фигурку к себе, спрятала под складками ткани. Нож выпал из ее рук.

– Простите, хозяин, я ничего такого не делала!

Голос женщины был испуганным, во взгляде читался ужас.

Во многих семьях рабам запрещается выносить ножи наружу. Да и на кухне не каждому из них позволено прикасаться к ножам. Порой за такой проступок карали плетью.

Аристокитон подсел к рабыне, стараясь успокоить ее.

– Я не сержусь, мне интересна твоя работа.

– Простите, что бездельничала.

– Оставь, у тебя есть свободное время, ты вольна делать, что пожелаешь. Я не запрещаю рабам отдыхать, если они не забывают про свои обязанности. Что у тебя там?

Он прикоснулся к руке Хенельги, не замечая, как окрепли ее мышцы. Под нежной кожей рабыни скрывалась сжатая сила, готовая вырваться в любое мгновение.

Деланный страх в глазах Хенельги никуда не исчез, но она не посмела сопротивляться воле хозяина. Аристокитон вытянул руку рабыни с поделкой, от которой нельзя оторвать взгляда.

Мысленно Хенельга посмеялась. Местное дерево очень мягкое, легко обрабатывается даже некачественным ножом. Нож, переделанный из обломка стальной полосы, приходилось постоянно править, затачивая о песчаник. Камень обрамлял огородики, разделяя грядки между собой.

Но для даная изделие выглядело невозможным. Будь у Хенельги больше опыта и времени, она смогла бы сделать вещь хитрее. Женщина воображала себе сферу, в которой прячется еще с десяток меньших.

Чтобы реализовать этот проект потребуется несколько лет, а главное – хорошие инструменты. Самодельный нож из мягкой стали не подходит.

Сама задумка не нова. Подобный шедевр хранится в Общем доме ее племени. Царь, ныне спустившийся во тьму, изготовил сферу. Это изделие никто из цивилизованных людей не видел и вряд ли увидит.

Потому сделать похожую, но простую модель, Хенельга считала своим долгом. Как-нибудь потом.

А для даная из провинциального города и осьминог, не способный найти покой на ровной поверхности, стал шедевром.

Хенельга любовалась достигнутым эффектом. Не поделка ее радовала, а удивление, ужас и жадность, отразившиеся на лице хозяина. Эти эмоции переплелись, чтобы возникла одна мысль в голове даная. Мысль, зерно которой, заронила сама Хенельга.

– А сколько еще ты можешь их изготовить? – спросил он.

Глава 2

Четыре гирцийских корабля из вексилума Верского флота беспрепятственно вошли в Виорентский залив. Как и предполагал Косс Виал, за ними наблюдали с северных склонов, что принадлежат полуварварским племенам. Там тоже проживали данаи, но себя они считали совсем иным племенем.

Беаты, феаки, одрины – еще с десятков племен, входящих в союз. Враждовать с ними не решался даже Виорент, но и племена не спешили спускаться к перешейку, чтобы пограбить богатого, южного соседа. А уж этот залив – лакомый кусочек, где всегда полно добычи.

– Навклер, – обратился к Виалу кибернетес, – ближайшая деревня до реки, как бишь ее...

– Теа, – напомнил Виал.

Совсем недавно он шел этим же путем, но был торговцем, а не пиратом. Что ж, именно путь меча уважает навклер. Самый быстрый способ добиться желаемого.

– Земли здесь беззащитные, флоты не таятся в гаванях.

– Да знаю я, – отмахнулся Виал, – правь к ближайшему селению. Припасы, припасы, не забыл.

Виала порадовало, что офицеры начали рассуждать правильно. Вокруг враги, которых необходимо избавлять от излишков.

Пока гирцийцы действуют в рамках закона, хотя данаи с этим вряд ли согласятся.

Вот в ближайшей деревне следовало установить – среди врагов они или среди друзей.

Большая команда не только благо, но и вечная проблема. Военные суда больше страдают от голода и жажды, болезней команды или шквалистого ветра, чем от собственно боевых столкновений.

Тут в заливе перед гирцийцами стоят только две проблемы. Припасами их должны обеспечить союзники, коими данаи являются.

Поселение, где покупал работников Виал, располагалось дальше. Там находится крупный храм, посвященный Энносигею, а значит, возникнут проблемы. Не для четырех сотен человек, но для всей кампании.

Потому Виал выбрал целью ближайшее селение.

Прибытие гирцийцев не прошло незамеченным. Данаи покинули дома, остался лишь староста, которого больше беспокоил гнев хозяев из Виорента, нежели пираты. Гавань поселения не приспособлена для длинных судов. Виал никогда бы и не отдал приказ выбросить боевые суда на гальку, учитывая, что в дне пути от них находится весь виорентский флот.

– Сутки? – спросил келеустес, подойдя к навклеру.

Виал кивнул, после чего команда начала выпрыгивать за борт. Грабеж гирцийцы всегда ведут на удивление организованно. Никто не напивается, найдя амфоры с вином. Не портят девок. Пираты, появляясь в прибрежном селении, неизменно разбивали лагерь, где десятки костров возвещали об их присутствии. Гирцийцы тащили все на корабли: амфоры с маслом и зерном, живую птицу и мелкий рогатый скот. На руках гребцов появились бронзовые браслеты, но Виал и его офицеры этого не замечали. Пусть моряки порадуются.

В прошлом бою большая часть добычи досталась морским пехотинцам. Они обеспечили победу.

По приказу навклера на судно доставили старосту – мужчина средних лет, удивительно бледный. Словно не данай, а северянин из Коматии. Виал ухмыльнулся, понимая, что староста просто в ужасе.

– Мы вексияция Верского флота! – заговорил Виал. – Волей случая оказались в окрестностях вашего селения. Мне требуется пополнить припасы, потому команда мною направлена на берег. Все потери будут восполнены из казны Виорента по условиям союзного договора...

Виал особо не усердствовал, понимая, что трясущийся от страха мужчина ничего не запомнит. Потому навклер уже держал в руках харту, на которой красовалась огромная печать Верского флота. Печать навклера. Виал улыбнулся – его печать.

– Передашь магистрату, – Виал всучил документ старосте и махнул рукой.

Проваливай.

Харту староста держал кончиками пальцев, но не посмел выбросить в море на глазах варвара с запада.

– Подотрется ею, – хмыкнул кибернетес Телез. – Дорогое средство, чтобы жопу чистить.

– Пусть, мне лишь бы формальности соблюсти.

Офицер пожал плечами, теперь уже формальности не помогут.

Команде не потребовались сутки, чтобы разграбить поселение. Выгребли всё и ушли к воротам в залив. Виал не считал нужным идти вглубь чужой территории.

Найдя место для лагеря на северной стороне, Виал приказал разместить корабли на суше. Тут их осмотрели и подлатали. Недавний бой едва ли отразился на кораблях, зато сильная волна потрепала.

– На северном берегу не случайно, навклер? – спросил кибернетес.

– Да, будем ждать гостей.

– Оттуда или там?

По очереди Телез показал на север, а потом на восток.

– А ты с какой стороны хочешь? – Виал усмехнулся.

– Центурион поставил дозоры, а Минелен раскидал по воде тройку шлюпок, взятых у данаев.

Виал кивнул. Самостоятельность офицеров ему нравилась, хотя порой возникали проблемы. Приходилось убеждать, что они тут не ради навклеровских замыслов, а сражаются во славу Государства.

Пока легенда держится, но лишь время покажет, насколько люди верят в командира.

– Может быть, стоит уйти вверх по реке, как бишь ее? – спросил Телез, пока Виал не ушел.

– Теа, – напомнил Виал, обернувшись.

Предложение кормчего недурно.

– Наши суда пройдут?

– Вот это уж не знаю, был бы у нас знаток местных вод, вот тогда! А потолкуй с богом реки. Может, скажет чего?

– Я думаю, суда не пройдут.

Им бы пришлось бросить корабли, снарядить много лодочек и уйти вверх по реке, чтобы оказаться в самом сердце страны.

Корабли принадлежат Государству, а не лично Виалу или его офицерам. Тут их спрятать не удастся, наверняка местные найдут.

Залив обжит, под каждым камнем скрывается человек.

– Я буду держать в уме твою идею, – Виал ушел.

На корабле он никогда не мог остаться в одиночестве. Приходилось приспособливаться к сотне людей, терпеть их привычки – зачастую весьма раздражающие. Отчасти по этой причине корабли держались берега.

Если предпринимать долгое плавание, то команда должна быть сплоченной. Или же придется построить судно, на котором можно отделить офицеров от моряков и пехотинцев. Разве такое возможно.

Забравшись на скалы, Виал осмотрелся. Поблизости располагались морские пехотинцы. Пять отрядов по два человека. Не самая лучшая защита, но воины смогут за себя постоять.

От северных племен Виал не ожидал угрозы. Феаки слишком трусливы, тем более, против четырех сотен.

И все же, с ними хотелось бы потолковать.

Виал не знал, где разыскать этих беатов или феаков, в общем, местных. Решил, что они сами придут. Просто из любопытства. Переговорив с дозорными, Виал некоторое время бродил по окрестностям. Решил сообщить центуриону, чтобы по возможности его подчиненные не пугали варваров.

С закатом берег засиял десятком костров. Моряки разделились по группкам, разбрелись по окрестностям. Кто-то отправился добывать пищу в ближайших лесах. Виала беспокоило, что во тьме растворились десятки его людей. Эти леса – собственность варваров, чужаки тут затеряются.

Фуражиры вернулись. Впрочем, добыть им ничего не удалось. Кроме ссадин да синяков, они ничего не нашли.

«Будет им наука, чтобы не бродили в темноте» – подумал Виал.

Он мог бы запретить команде покидать берег. Не делал этого, чтобы люди имели возможность развеяться. А пролитая на чужих берегах кровь разъярит моряков, что и требуется навклеру.

Варвары не нападали, на контакт не шли. Пехотинцам пришлось дать отдых, на дозор вышли гребцы и навтесы. По приказу Виала дозоры из моряков вышли усиленные, с кораблей взяли вооружение. Уж пять человек, как надеялся Виал, смогут отбить желание у варваров грабить пришельцев.

Ночь прошла спокойно. Залив с утра утонул в ледяном мареве, из которого легко могли выпорхнуть сотни судов, отправленных из Виорента. В лучах восходящего солнца их бронзовые тараны и проэмболонны не скроет туман.

Наблюдатели ничего не обнаружили, сторожившие вход в гавань лодочники вернулись на берег и отправились спать. Сменять их Виал не стал, полагая, что пора уходить.

На запад или на восток – навклер не знал, пока что предпринять. Поворот на запад может быть воспринят, как бегство, да другого пути нет. На востоке их ждут две сотни судов, готовых к бою.

Впрочем, такая громада в узких водах залива, скорее бесполезна.

Решено! Виал взглянул в сторону востока. Стоит все же прощупать виорентских моряков. Насколько хороши они в своем деле.

В прошлый раз, чтобы пересечь залив с запада на восток потребовалось двое суток. Это не особенно торопясь да на тяжелом торговом судне. Боевые суда могли бы за половину зимнего дня добраться до Виорента.

Виал закрыл глаза, делая расчеты. У него не хватало деталей, чтобы собрать всю мозаику. О мастерстве виорентских моряков приходилось судить по тому, что навклер видел в Сикании. А там на веслах сидели другие данаи. И все же, сходство между двумя государствами есть.

Принять бой надлежит принять в выгодных условиях, где маневренные суда гирцийцев будут иметь преимущество.

Виал нашел офицеров, приказал, чтобы команда собралась в течение часа. Придется снять дозоры с холмов. При свете дня нападения не ждали.

– Они могут обстрелять нас, – отметил Минелен, – с высоты снаряды летят далеко.

– Несущественные потери.

И так необходимые навклеру.

– Команда должна быть сытой и готовой, – подтвердил приказ Виал. – Идем на веслах одного ряда, готовимся выставить второй ряд.

Келеустес кивнул, понимая, что это подготовка к бою. С кем сражаться – понятно без объяснений.

На берег офицеры выставили амфоры с вином, наполняли чаши, разбавляя водой. Келеустес доложил навклеру о скудеющих запасах. Так что уже сегодня следует искать место, где пополнить запасы воды и, главное, вина. Пищи хватит на два перехода, если урезать пайки.

Тем лучше, решил Виал, облегченные суда пойдут быстрее. Сытая команда имеет преимущество.

Закончив со сборами, моряки грузились на корабли, готовили весла. Второй отряд находился в воде, держа канаты. Два ряда моряков вытягивали судно, чтобы потом оно на крыльях летело дальше. Останавливать суда не требовалось, гребцы запрыгивали на ходу, взбирались по веревочным лестницам и размещались на местах.

На берегу остался только корабль Виала. Навклер заканчивал ритуал, обращаясь к Мефону. К другим богам он не обращался. Зачем, при таком-то покровителе.

Келеустес с навтесами ожидали взмаха навклера. Остальные офицеры собрались на корабле. Виал поднял гальку с берега, разглядывая ее.

В этих камнях нет враждебности, ведь это просто камни. Кто держит их в руках, тот ими владеет.

Виал бросил камни на землю, и по веретену весла взбежал на борт судна. Навклер обожал показывать собственную силу и ловкость, к тому же это благоприятно сказывалось на духе команды. Те видели, что командир не изнеженный аристократ, получивший место по протекции.

Пока возраст позволял, Виал выжимал из тела всё. Пройдет не так много времени, и он уже не будет так лихо взбегать по круглому веслу.

Командный корабль покинул берег. Навклеры других судов уже знали направление движения. Виал еще на берегу обговорил тактику, установил значение сигналов. Его офицеры толковые парни, жаль таких терять. Жертву придется принести.

Только кровь может связать четыре сотни людей на судах. Эта связь станет прочнее законов, которыми задушили моряков. Даже в сенате не смогут закрыть глаза, что на чужих берегах пролилась кровь граждан.

Суда широким фронтом пошли на восток. Один ряд весел, смена отрядов каждые полчаса. Отмерять время приходилось по музыке келеустеса. Мелодии известны каждому моряку. Не одну сотню лет они сопровождают полет кораблей. На судах, где нет начальника гребцов, моряки сами поют. Это помогает во время монотонной работы, а так же служит способом соблюдать ритм и отсчитывать время вахт.

Нет ничего желанней для гребца, чем передать валок сменщику.

К тому же, все понимают, что вероятно сражение. Потому перерабатывать не видели необходимости. Нельзя выходить против врага уставшим и голодным. Эту науку и пехотные, и флотские офицеры зазубрили ценой тысяч потерянных воинов.

Суда продвигались на восток, постепенно правый корабль – под командованием Виала, – вырывался вперед. Судно располагалось ближе к берегу, что ограничивало простор для маневра. В иной ситуации, Виал изменил бы строй, вывел бы командный корабль на левый фланг.

Данаи ожидают именно такого маневра.

Виал ничуть не удивился, когда в шести корпусах от устья Теа, увидел чужие корабли. Их правый фланг отяжелел от триер, а на левом располагались легкие суда, похожие на гирцийские суда.

Только похожие. Сами данаи не придавали особого значения малым судам, считая их скорее вспомогательными.

Враги не дураки, потому разместили у мелководья самые легкие и маневренные суда. И они предположили, что чужаки поменяют порядок кораблей. Эта незначительная, как казалось, ошибка будет стоить им шести кораблей.

Гирцийцы знали, что делать. Встреча с врагом не стала неожиданностью.

Все четыре судна повернули направо и направились к устью реки, словно собирались подняться выше по течению. Предложение Телеза не такое уж бесполезное. Виал подстроил идею под свои планы.

Казалось, что корабли собираются сбежать.

Тяжелые суда данаев начали обходить мелководье по широкой дуге, чтобы закрыть выход из устья. А после чужаков удастся переловить на берегу. Будь их четыреста, будь их тысяча, они обречены. Им не спрятаться в холмах.

Только Виал не собирался прятаться.

Добравшись до мелководья, гирцийцы разделились на две группы. Как и в прошлый раз, навклеры предпочитали работать в паре. Два бронзовых тарана нанесут большой урон. Тем более против трирем.

Малые корабли данаев преследовали чужаков, вышли на мелководье и единым фронтом направлялись к врагам. Разделение гирцийцев застало их врасплох. Данайские келеустесы сбились с ритма, корабли потеряли ход. Они начали разворачиваться носами, в сторону левой группы судов, полагая, что там находится командир.

Но целью левой группы гирцийцев были не малые суда, а триремы.

Нападать на большие корабли кажется абсурдным, самоубийственным решением. Выслушав идею Виала, навклеры поняли, что это единственный шанс на победу.

Три триеры против двух легких кораблей – кто победит, очевидно.

Если бы навклеры данаев верно разгадали маневр врагов.

Пока триеры завершали маневр, их бока оставались открыты ударам. Как и в прошлый раз, они недооценили мощь гирцийских кораблей. Левая группа устремилась на крайнюю триеру и после двух ударов пустила ее на дно.

Пострадали и гирцийские суда: потеряли проэмболон одного корабля. Встретившиеся им противники обладали усиленными свинцом бортами. Это снижало их скорость и маневренность, но обеспечивало защиту и необходимую для удара инерцию. Защита, как оказалось, не спасла судно в арьергарде.

Три легких судна данаев уже приближались к гирцийцам, забыв про фланги. Виал воспользовался этим. Два его судна выбрали разные цели, верно рассчитав, что протаранить двухрядные суда проще, чем триеру.

Приближение противника данаи заметили, даже начали маневрировать, чтобы не бортом, а скулой встретить бронзовую смерть. Им не хватило скорости, а отягощенные припасами и абордажной командой они сидели ниже в воде. Кили малых судов данаев чиркали по песку, что сказывалось на их скорости.

Течение Теа – родной данаям реки, помогло врагам. Небольшие водовороты мешали развороту, зато ускоряли приближающиеся гирцийские корабли.

С двухрядных кораблей в сторону гирцийцев летели стрелы, дротики, но не приносили ощутимого урона.

Пока пехотинцы скрывались под палубой, Виал собирался пустить на дно максимальное число врагов, прежде чем бросаться на абордаж.

На счету гирцийцев уже три судна, отправленных на дно залива во славу Мефона. Оружие пришедших с запада кораблей испило крови и жаждало еще больше.

Напавшие на триеры корабли отошли назад, на ходу разворачиваясь, словно собираясь совершить маневр обхода. Легкий корабль данаев уходил в залив, чтобы на большой воде иметь

преимущество. Он прикрывал оставшиеся две триеры, которые таранами смотрели в сторону гирцийцев.

Атаковать данаи не спешили. Четыре врага разместились за тонущими судами, отходя на мелководье. Словно заманивали противника.

Данаи не повелись, оставаясь на месте, блокируя выход из устья Теа.

– Что ж, этого следовало ожидать, – вздохнул Виал.

Он-то надеялся, что одержимые жаждой мести данаи бросятся вперед, стремясь настичь врагов. Навклер на флагмане данаев оказался опытным. Виал отметил это судно, сигналами передав на свои корабли, чтобы те опасались его больше всего.

– Они сигналы наши не умеют читать? – спросил Телез.

Его прикрывала пара пехотинцев, в щитах которых торчали стрелы с разноцветным оперением. Мечта любого лучника – сбить кибернетеса или навклера. Поразив такого зверя, они заслужат награду серебром, а то и золотом! Потому многие стрелки за свой счет окрашивали стрелы.

– А мы не способны? – в ответ спросил Виал и позвал Минелена: – тебе данайские сигналы не известны?

– Если я по крови данай, еще не значит, что я говорю на их языке! – огрызнулся парень.

– Уточнял.

На чужих кораблях Виал видел сигнальщика, размахивающего флажками. Смысл сообщения он не понимал. Неприятно окунается в воду, дно которой не видно.

– Действуем по плану! – крикнул Виал.

Прореус передал сигналы на три других корабля. Те подтвердили получение приказа.

Теперь от командиров ничто не зависит. Какие бы планы не замыслили навклеры по разные стороны от Теа, только боги решат, кому достанется лавр.

Врагов разделяли останки трех судов, полоска мутной воды, в которой бултыхались люди. Крики, затухающие под наступающими волнами, не беспокоили сражающихся.

По команде навклера Виала гирцийцы разделились на два отряда, расходящихся в стороны. Под мощными киями боевых судов гибли люди. Тяжелые весла ударили по воде, разбивая волны, круша обломки потопленных кораблей. Гребцы не замечали, как лопасти их весел разбивают слабую человеческую плоть. Флейта келеустеса заглушала звуки смерти.

Мир гребцов ограничивался несколькими дюймами дерева. Враждебный мир, где обитают демоны, жаждущие крови. Гребцам некогда думать о том, что они не видят опасности, на встречу с которой летит корабль. Боль в руках, кровь из лопнувших мозолей, стоны и выдохи множества людей, слившихся в единый организм. Это корабль дышит, а не люди.

Данаи начали движение одновременно с гирцийцами. То ли прочли сигнал, то ли догадались. Виал не беспокоился. Он вооружен и в броне, готов к бою. Таранить триеры бессмысленно. Гирцийцы попытались выполнить маневр обхода, пользуясь скоростью своих судов. Но держащийся в арьергарде двухрядный данай мешал им вырваться вперед. Он рыскал из стороны в сторону, постоянно смещаясь на правый фланг.

Выискивал флагман – как догадался Виал. За весь бой навклер этого корабля так и не понял, что гирцийцы не меняли устоявшийся строй и шли в правом построении, словно фаланга гоплитов.

Борт триеры вырос впереди, таранить ее не удалось. С чужого судна, пользуясь высотой, стрелки забрасывали наступающие суда стрелами и дротиками. Попытались подпалить врагов, но пропитанные солью деревянные надстройки слабо подавались голодному огню.

На мелкие очаги огня гирцийцы не обращали внимания. Носиться по палубе, когда сверху сыпется железный дождь, безумие.

– Абордаж! – крикнул Виал.

Приказ стрелой пронесся между сходящимися кораблями. Изменение тактики застало данаев врасплох, уже в который раз за бой. Виал знал простую максиму – врага всегда необходимо тревожить ударами. Пусть незначительными, едва ли болезненными укусами, больше похожими на прощупывание. Удары со всех сторон, постоянно, но без единого ритма, чтобы вывести противника из равновесия.

Второй гирциец шел под острым углом к оси данайской триеры, словно намеревался сломать весла.

Корабль Виала пронесся под поднятыми над водой веслами даная и ударил в усиленный свинцом бок. Триера выдержала, треснуло дерево, возможно, образовалась течь. Несущественные повреждения для большого корабля.

Размер, количество гребцов, все идеально подходит для таранного боя. Если противником выступают такие же суда.

С корабля Виала начали забрасывать кошки. Второй расположился под надстройкой гребцов, забрасывая стрелы и дротики в открытую снизу палубу. Стройный ряд весел даная начал волноваться, весла упали в воду, а некоторые ударились о гирцийские корабли.

Виал не видел, какой они вред нанесли, ведь уже с командой пехотинцев спешил к веревкам. Он не возглавлял абордаж. Сейчас требовался каждый человек, способный держать оружие. Из-под палубы показались гребцы, вооруженные нагелями, топорами, легкими дротиками, которые можно использовать как копье. Без брони. Потому гребцы следовали за пехотинцами.

Морские пехотинцы взобрались по веревкам, перебрались на ту сторону. Удар корабля Виала был нацелен на то, чтобы сбить строй воинов на чужом корабле. Так и получилось, от удара данаи повалились и сгрудились у правого борта, обратного тому, откуда пришли гирцийцы.

Бой прошел не так легко, как у входа в залив. И пехотинцы, и гребцы понесли потери. Все же, им удалось захватить корабль со всеми его припасами. Уцелела часть команды, навклер триеры сдался.

С захваченного корабля раздались победные крики.

– Не время радоваться! – заорал Виал и перебежал к правому борту.

Его люди опомнились, уцелевшие принялись перебежать на свои корабли. Раненные и пехотинцы остались на захваченном судне.

Виал убедился, что у его товарищей дела идут хуже.

– Так и думал! – навклер ударил кулаком по фальшборту.

Он перебежал на левый борт, спрыгнул на палубу своего корабля, отбив пятки. Мысленно обругал себя за это. Забывает, что в броне и при оружии, тяжелее, чем обычно. И возраст.

Пехотинцы перерубили абордажные веревки. Корабли освободились от кровавых привязей.

Келеустес уже сигнализировал гребцам о начале движения кормой вперед. Не все люди заняли места, работал только один ряд. Этого достаточно. Пробегая на корму, Виал крикнул кибернетесу, куда необходимо править.

Флагман гирцийцев отошел на полкорпуса, развернулся на месте, ломая весла захваченного корабля. Сорвав часть собственной обшивки, судно пролетело вперед, обходя грозный данайский таран.

А ведь это чудовище могло взять их жизни. Выглядывающий из воды кабан проводил гирцийца гневным взглядом.

У второй группы гирцийцев дела шли хуже. Им пришлось сражаться против флагмана данаев, воины и гребцы которого держались лучше, чем захваченные Виалом.

Им на помощь подоспел двухрядник, протаранивший гирцийское судно. Навклер данаев полагал, что атакует командный корабль, потопив который спас бы сражение. Он мечтал завоевать славу!

Виал, наставляя людей, просил их держаться зубами за чужую палубу. Закончив со своей добычей, они тут же устремятся им на помощь. Пусть без пехотинцев, но полсотни гребцов, жаждущих крови, сметут сопротивляющегося врага, подобно волне.

Второй корабль обходил трофей с кормы. Он не мог поспеть за кораблем Виала, потому находился сейчас в пяти корпусах. Следовало подождать его, вместе атаковать сцепившихся противников.

Виал отмахнулся от вопроса кибернетеса, приказал на полной скорости нестись к триере данаев.

– Труби таран! – крикнул Виал.

Сигнал о таранной атаке редко подавался, но известен флотским. Он предупреждал тех гирцийцев, кто еще находился на палубе триеры. И все же, удар Виала сбил с ног не только данаев.

Таран впился в свинцовое брюхо триеры, проскрежетал по металлу и чиркнул в сторону. Мощный борт спружинил, отводя наступающее судно в сторону. Пострадал форштевень. Балки по всему судну натужно взвыли.

– Абордаж! – крикнул Виал и устремился вперед.

Теперь он командовал атакой, успев бросить взгляд в сторону кормы.

Захваченная триера шла к устью Теа. Как планировалось. Оставшиеся на борту пехотинцы под руководством центуриона заставили данаев грести в сторону устья реки.

Вновь полетели крюки с веревками на чужой борт.

Данаи, успевшие подняться на ноги, перерубили несколько. Поднимавшиеся по ним люди попадали обратно на палубу. Не всем повезло, несколько человек упали за борт, где их раздавило меж бортами.

Вода вокруг триеры окрасилась от крови. За бортом находились люди – некоторые из них товарищи. Виал заставлял себя не думать о них, взбираясь по веревке. В зубах он держал нож, как пират, а не командир боевого корабля.

Появившийся по ту сторону данай увидел лезущее чудовище и заорал. Он рубанул топором, целя не в веревку, а в нечто за кормой. Промахнулся, лезвие чиркнуло по броне.

Виал не почувствовал удара. Не успев взобраться на корабль, выхватил нож и полоснул по руке врага.

Лицо залила кровь, попала в глаза. Виал зарычал, почуяв добычу, и одним прыжком оказался на той стороне. Полуслепой от чужой крови Виал колол и резал, забыв о защите. Вокруг образовался круг, в который никто не решался ступить.

Кровь на лице не успевала высохнуть. Все новые и новые потоки заливали Виала. Не только данаи проливали кровь, но и он сам. Лишь броня защищала его от многочисленных травм. Левая рука ослабла, из нее вывалился нож, зато топорик в правой продолжал крушить черепа и кости врагов. Можно не попасть лезвием по плоти, но даже удар плашмя наносил страшные травмы.

Под ногами мягкая и мокрая палуба. Навклер давил тех, кто еще был жив, не обращая внимания на крики, стоны. Пока не добрался до кормы. Тут уж ярость схватки отступила и вернулась возможность мыслить трезво.

У кормы собрался десяток воинов данаев. Вместе с ними держался командир. Надстройку кибернетеса оккупировали лучники, что продолжали стрелять.

Виал не помнил о защите, но его люди находились рядом. Они ловили стрелы на щиты, что захватили с собой или подняли здесь.

Быстро оглянувшись, Виал убедился, что все его суда взяли триеру с флангов. Двухрядник данаев болтался рядом, на палубе никого – все перешли на триеру.

– Они не сдадутся, – шепнул оказавшийся рядом кибернетес с третьего корабля.

– Догадался, – прорычал Виал.

Во рту был привкус меди, язык кровоточил, видать порезал, пока взбирался по веревке. Эти капли не достались данаям.

Моментально Виал оценил обстановку, принял решение и крикнул своим:

– По кораблям!

Незначительная, но заминка. Приказ навклера казался безумным. Зачем покидать трофейный корабль, оставлять тела своих. До победы несколько шагов.

Каждый шаг требовал десятка жизней.

Не нарушая порядков, помогая раненым, гирцийцы вернулись на свои корабли. С пиратами такой трюк не проведешь. А Виал так мечтал повернуть подобный маневр.

Зачем топить кормовую надстройку в крови, если можно вынудить врагов сдаться.

– Всем кораблям, даная на буксир и к мелководу! – заорал Виал со своего корабля.

Сигнальщики уже не требовались.

Натянув абордажные оковы, триеру потащили к устью Теа. Взятый ранее корабль уже находился там, усевшийся брюхом на песок. Он стоял прямо. Так удобней перегружать трофеи.

С флагманом Виал собирался поступить иначе. Да, пленить старшего офицера мечтает всякий воин. Но после допроса душа пленника достанется морю. Пусть уж море сразу возьмет причитающееся.

Мефон жаждет.

По команде Виала сначала один, потом другой его корабль перерубили буксировочные канаты. Разогнав корабль, направили его в устье. Триера, обладая огромной инерцией, неслась к мелководу. Данаям не хватит гребцов, чтобы остановить полет корабля. Да и не смогут они понять, что происходит.

– А теперь – напоим наше судно их кровью!

Подчиненные поняли, чего желает навклер. Чего желает его покровитель.

Таранный удар пришел в борт триеры, опрокидывая ее. Легшая на правый борт триера тут же начала погружаться в воду. Все, уцелевшие на ней люди, спрыгнули с гибнущего корабля и направились к берегу вплавь. Поняв, что происходит, они успели сбросить с себя броню.

– По ним! – Виал указал на уцелевших.

Гирцийское судно прошло по головам, развернулось на месте. Со дна устья поднялась муть, в которой потерялись утонувшие и раздавленные данаи.

Сам бой занял не так много времени, как перегрузка припасов с трофейных судов.

Без потерь обойтись не могло, противник попался сильный и опытный. Виал учитывал это, готовился, но опасался, что простые моряки начнут обвинять навклера в смертях товарищей.

Да, победа.

Цену боги запроси скромную.

Потерян один корабль, протараненный двухрядником данаев. Поднять судно не представлялось возможным. По опыту Виал знал, что такие пробоины лечатся в сухом доке. С потопленного корабля спаслось чуть меньше трети команды, остальные погибли, потонули.

Тела, подхваченные течением, уходили в сторону захода. В мир теней. Некоторое время гирцийцы провожала их взглядами. Течение забрало как товарищей, так врагов. Невозможно отделить одних от других.

– Командир, – обратился к Виалу кибернетес. – Что будем делать с тем кораблем?

Он указывал на оставшийся данайский корабль. Течением его сносило прочь, словно это лодка, сопровождающая уходящих в Бездну мертвецов. Но это корабль, чей экипаж перебили во время абордажа.

Виал распорядился, чтобы корабль вернули.

Речной бог Теа вскоре очистил воду от крови, останков судов и людей. Муть осела. Из воды торчали остовы кораблей, перекрывающих вход в реку. Такая мелкая пакость, чтобы усложнить данаям жизнь. Виал не мог перекрыть вход в залив, но хотя бы одну реку он сможет закрыть.

Погибшие суда станут напоминанием данаям о произошедшем.

Флагман данаев лежал на боку, из него уже выгружали припасы, уцелевшие во время крушения. Особенно Виала интересовали бронзовые тараны – самое ценное на боевых судах. Это и символ, и материальная ценность. Корабельное орудие, к тому же, можно транспортировать отдельно.

Установленную мачту использовали в качестве крана, с помощью системы блоков и десятка веревок таран удалось снять сначала с одного, потом с другого поверженного судна. Виал ограничился двумя судами, остальные бросили.

Раненных распределили по кораблям, чья осадка заметно увеличилась. Переполненные припасами корабли потеряли преимущество в маневренности. Да это не важно. Нужен отдых.

– Командир, прикажете следовать из залива?

Виал взглянул на кибернетеса, кивнул. Навклер даже не обратил внимания, что офицер иначе обращался к руководителю. Все сомнения, что были у команды ранее, развеялись. Праведную или нет они ведут войну, навклер знает свое дело. Человек, способный в невыгодных условиях добиться победы, достоин уважения.

Три гирцийских судна и один трофей ушли из залива. За ними следовал шлейф стонов, судовые доски пропитывались кровью раненных. Ночь и сбегаящий с гор туман укрыли гирцийцев. Чужаки не бежали от боя, а уходили на базу, чтобы подготовиться к следующему.

Глава 3

Увлечь даная не составило труда. Аристокитон радовался каждой безделушке, что делала Хенельга. Он освободил рабыню от домашних обязанностей, зато изводил заказами. Сначала ей доверяли простое дерево из местных пород, потом Хенельге удалось потрогать другие.

Ценное дерево Аристокитон заказывал в южных городах. Данай умудрился с удивительной быстротой договориться о поставках. Обладая связями с торговцами, это не составляло труда.

Не имея связей, богатый данай не мог раздобыть тамкарумский кедр. Зато знакомые торговцы привозили мелкие брусочки, почти обрезки, что выпрашивали у мастеровых из Тирина. За мелкую монету ремесленники с радостью расставались с остатками.

Разные породы дерева обладали разными свойствами. Ценность заготовок Хенельгу нисколько не волновала. Она потеряла счет времени, увлекшаяся любимым делом. Дерево отличается от костей, известных резчикам. Дерево мягкое, надо привыкать. Но руки знают дело. Хенельга творила, почти не думая о процессе. Лишь отвлекалась на сон и перекусы.

Другие рабы не беспокоили самородок, что оказался в собственности хозяина. Они чувствовали, что эта женщина обеспечит не только хозяина, но всю его фамилию. Даже самый последний раб будет купаться в роскоши, когда Аристокитон займет положенное ему место.

Богатства достанутся, конечно, городским рабам.

Хенельга изготавливала чудных рыбок, морских гадов, что населяют южные моря. Она изготавливала лодочки и виденные в дальних городах диковины. Аристокитона вполне устраивали эти поделки, но потом он начал давать рабыне задания. Не проверяя ее навыки, а из желания побаловать друзей. Аристокитон раздавал подарки, не заботясь об их происхождении.

Откуда у рабыни навыки, даная ничуть не интересовало. Он это воспринимал лишь как удачу, внимание богов. Размышлять об источнике этой силы кощунственно.

Раз пришел успех, значит, человек заслужил.

Ни красота поделок, ни скорость, с которой они изготавливались, не удивляли Аристокитона. Он даже не видел их красоты. Точнее, видел, но не ощущал. Алчность и жажда власти застилала взор. Аристокитон грезил о будущем, и не видел того, на что смотрит.

Пусть не лезет с расспросами. Хенельгу устраивало положение дел. Вот Виал мог проявить любопытство, откуда у женщины умения, из какого она племени происходит и тому подобное. Любопытство данаев ограничено стенами, что защищают их города.

Мир за границами Саганиса не существовал для Аристокитона. И сотен таких же как он.

Может быть, в этом причина, что они проглядели чужаков, месяц обитавших в окрестностях. Те времена казались сном. Воспоминания заволакивал туман.

Прошло много времени, прежде чем Хенельга смогла расслабиться и отвлечься от работы.

Время зимних праздников. В праздничные дни рабам полагается кувшин вина и кусок жаренного мяса. Отдых от трудов.

Для граждан праздники означают обмен подарками, походы в театр, совместные пирушки. Затем последуют выборы в совет, распределение литургий между состоятельными гражданами.

Аристокитон собирался использовать это время на максимум. Он не мог расслабиться тогда, когда другие предавались веселью. Потому, сделав запас подарков, данай решил показать свое приобретение другим гражданам города.

Хенельга ждала этой возможности, стараясь скрыть нетерпение. Она стала вещью данаев, потому вела себя соответствующе.

А чтобы вести себя соответствующе, надо выглядеть соответствующе. Хозяин придерживался такого мнения. Сама Хенельга думала остаться в простой тунике, что надевала поверх короткой нижней. В этой одежде намного удобней, хотя она подчеркивает рабский статус.

Свободные граждане вынуждены носить тяжелые, громоздкие одеяния. Ведь им нет нужды работать. Одежда – это статус. И даже сандалии на ногах не просто защищают подошвы от ореховой скорлупы или битых черепков на улице.

– Фриза! – Аристокитон вошел в комнату рабыни, отвлекая ее от любимого занятия. – Оставь свои поделки. Ты пойдешь со мной.

– Я почти закончила.

Аристокитон улыбнулся в бороду.

– Понимаю, тяжело прерваться, когда создаешь столь прекрасные вещи. Все же, пойдем. Тебе понравится, что я задумал.

Хенельга на этот счет сильно сомневалась, но перечить господину не могла.

Отложив резец, она поспешно смела стружку со стола, за которым работала. Всего пара движений и новая статуэтка закончена. Хенельга вздохнула и отложила незаконченную работу, подумав, что уже никогда не вернется к ней.

Рабыню ждали на улице. Хозяина сопровождали рабыни, что прислуживали госпоже. Хенельга их почти не знала. Личные рабыни постоянно находятся при хозяйке.

Женщины чувствовали себя не в своей тарелке, словно писцы, которых впервые за два десятка лет вывели из темной каморки.

Хенельга кивнула им и остановилась рядом с господином. Тот стоял, уперев руки в бока, и улыбался. Его взгляд скользил по рабыне, оценивая. Выглядело это так, будто женщину готовили к продаже или собирались преподнести в подарок.

Удовлетворившись осмотром, Аристокитон с рабынями отправился на рынок. Не тот, где затариваются обычные граждане, а расположенный за стенами верхнего города. Рынок на акрополе, чья площадь используется для собраний, голосований и судебных процессов. Чужаки, рабы и женщины туда не допускались.

За редким исключением.

Аристокитон решил позабыть о приличиях не ради рабынь.

Следуя за хозяином, Хенельга запоминала каждую увиденную мелочь. В верхний город вела узкая дорожка, проходящая под массивными воротами. Две квадратные башни возвышались над стеной и сжимали дорожку с двух сторон. Наверху дежурили лучники. То ли варвары, то ли местные ополченцы. Хорошо, если наемники. Ведь их всегда можно перекупить.

У ворот стоял единственный гоплит в полном вооружении. Металлические детали сверкали на солнце, подчеркивая фигуру воина. Грудь его защищал белый линоторакс. Зато шлем отличался от тех, что носили обычные воины. В колонии воины носили простые шлемы без гребней и нащечников. Простая конструкция, вынужденная мера в виду дороговизны снаряжения.

Шлем парня имел все необходимые элементы. Черно-белый гребень.

Броня на воине древняя, но в хорошем состоянии.

Простой лук отличал снаряжение воина. Оружие покоилось в украшенном горите варварского стиля. Данаи на юге презирают лук, считая использование его в бою нечестным. Лучники должны происходить из варварского племени. Как стражи в Тритогении.

Здесь же в Саганисе воины переняли привычки варваров. Ведь колонисты чаще сталкиваются с варварами, чем сходятся шеренгами против цивилизованных. Это тоже следует учитывать, в осаде лучник опаснее копейщика.

Двустворчатые ворота держали открытыми. Немудрено, чужаки ведь сюда не ходят. А отогнать посторонних сможет один воин. Створки ворот закреплены упорами, к стене присло-

нен брус засова. В потолке виднелась щель, из которой торчали зубы решетки. Других защитных приспособлений в строении не было.

Хенельга украдкой вздохнула. Она ожидала увидеть тот же ужас, что встречал ее и друзей в Виоренте. Штурмовать подобные ворота самоубийство. В Саганисе, если забыть о массивных башнях, ворота скромные. Больше из дерева, чем из камня. За внешней облицовкой видны тяжелые бревна.

В проходе пахло сосной и пылью. Снаружи на вошедших обрушился шквал запахов. Словно улицы акрополя опрыскивали ароматной водой, настоем душистых трав.

Хенельга споткнулась, пытаясь отдышаться. Другие рабыни тоже задержались, моргая, и недоуменно вертели головами. Для них выход в город уже шок, а оказаться в прекрасном месте, где не красный кирпич, а благородное дерево и редкий мрамор, украшенный прожилками, радуют взгляд.

От входа тянулась мощеная улица, на которой нет обычного мусора: ни шелухи, ни помета выючных и двуногих животных, ни обломков керамики – ничего! Общественные рабы подмели улицы, помыли мостовую.

– Город готовится к празднику, – заметив удивление рабов, пояснил Аристокитон. – Но даже в другие дни здесь лучше, чем внизу. И селятся в тени акрополя лучшие из нас.

И он принялся расписывать красоты верхнего города, скорее для себя, чем для рабов. Ведь женщины не смели перебить господина. Никто не желал привлекать внимание хозяина, задавая вопросы. Даже Хенельга сдержалась, краем уха слушая разглагольствования Аристокитона. Пока в его болтовне ничего полезного. Хенельга кивала и глупо улыбалась.

Хозяин говорил о том, что каждый особняк в верхнем городе имеет источник воды. Рабам не приходится ходить к общественным фонтанам. Не столько радость для рабов, сколько удобство для хозяина. У каждого дома собственный перистиль, где в саду растут чудесные растения. Оттого весь район утопает в запахах.

Живущие здесь засаживают огородики не капустой и репой, а базиликом, чабрецом и душицей. Лишь лавр не согласился жить в столь отдаленной местности. Потому приходится его импортировать...

Под веселую болтовню хозяина они добрались до рынка. Обошли площадь, хотя Хенельга заметила массивную стелу, расположенную в центре. Камень, не дерево.

В Саганисе для статуй зачастую использовали дерево. Основу сверху покрывали гипсом, иногда добавляли мраморную крошку. Выглядит не очень, зато дешевле, чем искать каменотеса и материал для него.

Аристокитон так рассуждал о достоинствах акрополя, словно сам проживал рядом. В каменном особняке, чей портик поддерживают мраморные колонны. В мечтах данай уже открывал калитку нового дома, шел по галечной мозаике, стуча каблуками красных сапог.

А на самом деле у него деревянный дом, чью крышу подпирали сосновые брусья. Огородик, жена, которую редко видели даже слуги. В общем, обычная жизнь состоятельного даная.

Аристокитон шел в магазин одежды, где собирался заказать гиматий для рабыни. А служанки помогут рабыне одеться. Не будет ведь сам господин выбирать тряпки для «Фризы».

В магазине шили из отличных тканей. Не шелка, конечно. Продавался лен, что привозят из Кемила, цветные тиринские ткани и меха северян. Последнее, скорее использовалось для декорирования домов. Данаи считают ниже своего достоинства одеваться как варвары.

Широкий выбор тканей доказывает, что Саганис торгует с множеством городов и народов. Тут действительно сходятся торговые пути со всех сторон света.

Видя цветные ткани, Хенельга постаралась скрыть грусть. Друзья пытались сделать ей подарок, купив у тиринского купца яркую ткань. Подарок погиб во время путешествия. Гибель корабля, долгий путь через враждебные земли, а затем рабство – тут уж не сберечь свое.

Аристокитон обнялся с хозяином мастерской, указал на рабыню и попросил об услуге. Быстро переговорив об этом, граждане переключились на другие вопросы, забыв о рабах. А те уже занимались, подбирая ткани для Хенельги.

Выбрали скромный темно-синий льняной отрез. Хенельга удивилась, что ей не подобрали желтый или другой яркий оттенок. Спокойные цвета для матрон, а не рабынь.

Сняв мерки, Хенельгу оставили в покое. Она не знала, чем заняться, потому скромно стояла в сторонке. Все же, это мастерская, а не лавка, где торгуют тканями. Пришлось ждать, прежде чем вынесли гиматий. По мнению Хенельги ей принесли готовую одежду, но оказалось, что это заготовка.

Широкие рукава предполагалось скреплять бронзовыми пуговицами. Излишком ткани можно покрыть голову, полотно удерживается фибулой – пока вместо нее использовалась булавка. Одевание закрывало ноги от любопытных взглядов. Не хватало только сандалий. Аристокитон предполагал заказать обувь позже. Не сразу же на рабыню тратить десятки монет.

Одевание достойной женщины. Хенельга чувствовала себя в нем неуверенно. Непривычная на ощупь ткань пугала. Это не шерсть, тяжелая и грубая, а легкий лен, который словно струится и стекает по плечам.

Мастер и хозяин обменялись репликами, сетуя, что рабыне не хватает женственности.

– Но мальчиком я бы не советовал ее наряжать, – пошутил мастер.

– У меня мыслей таких не было! Как скоро будет готово?

– Пару дней, не больше.

Хенельга вернула привычную длинную тунику. В тяжелой ткани, слишком широкой для нее, свободнее. Ничто не ограничивает, не сковывает.

К сожалению, магазин стал единственной целью путешествия. Увидеть другие постройки акрополя Хенельга не сумела. Хозяин возвращался той же дорогой.

Гоплит на воротах не сменился. Он проводил даная и рабынь задумчивым взглядом. Любопытство разбирало паренька. Хенельга подумала, что хозяин намерено выбрал этот день и это время, чтобы его свита попала на глаза парня.

Тогда не случайно, что она увидела воина в качественной броне, а не простого гоплита.

Воин перевел взгляд с Аристокитона на Хенельгу, прищурился.

Как положено рабыне, Хенельга тут же потупила взор.

Все это показалось ей странным. Если это был знакомый Аристокитона, так почему он не приветствовал воина, не остановился с ним поговорить? Данаи ведь любят поговорить. Даже наткнувшись в пути на могильный столп, останавливаются, чтобы поговорить с мертвецами.

– Как тебе эта лавка? – спросил Аристокитон у Хенельги.

Она не ожидала, что хозяин начнет задавать ей вопросы. Смогла выдавить из себя одно слово.

– Чудесная, согласен. Самая крупная в Саганисе, а торгуют тем, что в Тритогении не сыщешь. Этот лен – ты касалась ткани из самого Кемила! Это золото, свернутое в рулон. Сколь много мореходов сгнуло, чтобы доставить его. И нет такого в Тритогении, нет! Ты, Фриза, имеешь честь стать частью богатейшего города!..

Хенельга кивала, не перебивая господина. Пусть болтает, можно не прислушиваться. Иногда в его речи проскальзывали мелочи, которые тут же привлекали внимание женщины.

– Друзья поражены твоим мастерством. Я не смею более скрывать такое чудо в своих стенах. Мне приходится сотрудничать с архонтом по вопросам снабжения Саганиса. Его весьма впечатлили твои скульптуры.

Он говорил, что Хенельга укрепляет славу Саганиса. С ее помощью удастся прославить полис. Удастся превзойти Вирент.

Аристокитон уже грезил собственной мастерской, в которой будет начальствовать женщина. Это заявление удивило Хенельгу, она даже осмелилась перебить хозяина, спросив:

– Разве не будет неприлично, что женщина станет мастером?

– Оставь. Это все ерунда. Кто бы ни работал в мастерской, пусть хоть раб, хоть варвар. Или женщина. До тех пор, пока мастерская приносит прибыль, не станут люди вмешиваться в работу. Ты ведь понимаешь, что нам всегда приходится задумываться о прибыли. Не потому что мы такие любители презренного металла. Такова жизнь. Наше отечество – торговый полис. Репутацию следует поддерживать.

У меня есть друг, зовут его Назелис, он сможет организовать предприятие. Я лишь как акционер выступлю. Ты мастер. Сама выбирай помощников. Твои навыки требуют, чтобы ремеслом занимались женщины? Так пусть!

– Нет, это наша семейная традиция...

Аристокитон не слушал, «успокаивая» рабыню. Он расписал красочные перспективы, как из мелкой мастерской постепенно вырастает целое предприятие. Мастерские резчиков займут квартал. Приблизятся к Священной улице. Вотивные предметы из Саганиса станут ценить везде в Обитаемых землях.

– Надо договориться со жрецами! – вдруг понял Аристокитон. – На ближайших играх мы сможем поговорить со святыми людьми.

– Мы?

– Я и мои друзья. Наша компания из девяти человек образовалась давно. Сегодня у нас пирушка, и ты, кстати, приглашена на нее.

Хенельга встретила это заявление с холодным спокойствием. Понятно, зачем приглашают женщин на мужские попойки. От хозяина не укрылось, что рабыня не оценила «подарка» и тут же заметил:

– Ты приглашена не в качестве флейтистки или танцовщицы, не в качестве гетеры. Мои друзья хотят познакомиться с той, из рук которой вышли все эти изделия. Наши пирушки наполнены не шумом музыки и сладострастными вздохами, коим открывает путь чрезмерное, варварское употребление вина! Нет! Ты услышишь музыку слов, что никогда не знала, коснешься света мудрости, лишенной в той глухомани, из которой производишь...

Они уже давно добрались до особняка, где проживали, но Аристокитон продолжал бахвалиться любовью к мудростям. Чтения, декламации, разбавленное на три четверти вино и все в таком благородном, высоколобом духе.

Хенельга не спорила, выслушала хозяина и улыбнулась, когда он закончил.

– Согласна? – он обрадовался, словно действительно спрашивал ее мнения. – Так замечательно же! Тебе следует подготовиться к вечеру, эти рабыни помогут привести тебя в порядок. Пока твой гиматий не готов, придется взять что-нибудь из сундуков со второго этажа. Уверен, покопавшись в них, удастся найти и лен, и шелк. Цвета? Любые! Какие приглянутся.

Толкнув дверь калитки, Аристокитон быстрым шагом пересек двор, забыв о рабынях. Женщины робко пересекли порог, переглянулись, не зная, что делать.

– Наверное, это был приказ? – робко сказала одна.

Враждебности к Хенельге они не испытывали, хотя и пришлось делиться своими тряпками.

На втором этаже, где женская половина дома, рабыни осмелели и теперь не сутулились. Они постарались пройти мимо хозяйской спальни незамеченными. Хенельга боялась столкнуться нос к носу с хозяйкой. Узнав, что замыслил ее муженек, та наверняка взревнует. А нет ничего хуже этого. Человеческие эмоции и так способны нарушить всякий план, а уж ревность и безумие господ – уничтожат безвольных.

Обошлось, хозяйка занималась шитьем на террасе второго этажа, а не отдыхала в темной спальне.

Мельком взглянув в сторону спальни, Хенельга удивилась, как подобная темная с низким потолком каморка может быть объектом вождения данайских мужчин. И кровать простая: деревянная коробка, с наброшенным поверх тюфяком и одеялом.

Из спальни доносился запах пыли, старого дерева, лакового покрытия. Не слишком соблазнительная атмосфера.

По наивности своей Хенельга полагала, что хозяева должны жить в лучших комнатах. Но зачем, если они приходят сюда просто переночевать.

В соседней комнате – большой, просторной с широкими окнами, находилась одна кровать. На ней по очереди спали служанки. У стены стояли сундуки с добром. Цветные, раскрашенные сундуки – для вещей хозяйки, а простые, естественно, для рабынь.

Здесь же находился столик, за которым хозяйка совершала утренний туалет.

Хенельгу усадили на кровать. Рабыни занялись ее волосами, лицом, руками. Результат Хенельга смогла рассмотреть в бронзовом зеркале. Одна сторона зеркала отполирована, а на другой располагался рельеф матерью богов, чье прикосновение дарует плодородие и людям, и животным, и земле.

С помощью женских инструментов рабыням удалось скрыть недостатки Хенельги. Свинцовые белила добавили свежести обветренной коже, тушь подчеркнула большие глаза, светло-красная помада вернула блеск губам и скрыла бледность.

Выбрали простую прическу – волосы убраны в узел, чтобы открыть шею. Спорное решение, учитывая рост и крепость плеч Хенельги.

Из сундука рабыни добыли серый гиматий из тонкой шерсти. Одежду пришлось подшивать под Хенельгу. Рабыни спорили, какие выбрать сандалии. Сошлись на самых простых. Все равно край гиматия закрывал стопы. Синий пояс стянул талию, лишив возможности дышать, зато подчеркнув грудь.

Туалет завершился, когда на уши Хенельге повесили тяжелые серьги на клипсах, а белевые руки украсили браслетами.

– Лучше тебе остаться здесь, чтобы не смазать белила, – посоветовала одна из рабынь.

– Нет, тут ее увидит хозяйка. Пусть идет во двор.

– Точно! Но сиди под балконом, в тени.

Хенельга поблагодарила женщин и спустилась на первый этаж. По лестнице пришлось идти медленно, поддерживая край гиматия. Понятно, почему женщины редко покидали второй этаж. По узким, коварным ступенькам в такой одежде не удастся быстро спуститься.

Помня указания рабынь, Хенельга нашла место в углу сада. Свежий воздух бодрит, снимал напряжение. Расслабиться в этих проклятых тряпках Хенельга не могла. Вспоминала о тех туниках, что носила в Циралесе.

Не верилось, что все женщины данаев носят такое? Безумие. Работать невозможно! Это еще одна из черт данаев. Они настолько кичатся богатством, что освободили женщин от работы. Данаи могут содержать их просто для любования и размножения.

Такое объяснение показалось Хенельге безумным, что, впрочем, не безумнее всего остального.

Найти положение, чтобы пояс не сдавливал и не душил, не получилось. Ложиться нельзя. На деревянной скамье нет подушек, сидеть больно. Лубяные завязки сандалий натерли кожу.

Хенельга сходила с ума от сковавшего ее неудобства.

Ждать пришлось до вечера.

Лишь солнце начало скатываться за горизонт, скрывшись за высокими пиками Рифинских гор, как появился Аристокитон. Выглядел он веселым. Лицо раскраснелось, не от вина, а от предвкушения. Данай не считал нужным скрывать эмоции.

Найдя Хенельгу в саду, чуть не мертвую от усталости, хозяин схватил ее за руку и поднял на ноги.

– Ты готова? Вижу, готова! Идем, наш путь неблизкий, а я знаю, как вы женщины, неспешны.

«Снял бы с меня эти тряпки, я бы показала тебе, как спешно я откручу твою голову» – злорадно подумала Хенельга.

Но даже на злость не нашлось сил.

Мысль скользнула и унеслась.

Шли в сумерках. Раб с факелом указывал дорогу, приноравливаясь к походке провожаемых. Хенельга старалась запомнить дорогу, пока не поняла, что это бесполезно. Вокруг только серые заборы, с которых облетает побелка.

Фасады едва видны из-за заборов. Каждый такой особняк сам по себе крепость. В них могут укрыться защитники города, если вовремя не бросить факел на солому.

Огонь – он приведет город к гибели. Огонь, пришедший с моря. Печально, что придется бросать Саганис в жертву огню, но иного пути Хенельга не видела.

Особняк не производил впечатления. Простой вход, небольшой двор, а за домом сад, где началось пиршество. Аристокитон обманул, собравшихся все же развлекали девицы в легких одеяниях. Флейтистки и танцовщицы, словно цветы и венки на головах пирующих, служили украшением. Вид полуобнаженных женщин не распалил мужей.

Разговоры велись в основном вокруг торговых дел. Монологи разбавляли паршивыми декламациями. Эти люди следовали моде и постоянно сочиняли. К счастью, до издания своих виршей они не додумались.

В кругу друзей не находилось достойных критиков. Кроме Хенельги и других рабов, но они помалкивали, зная, что их мнение свободным ничуть не интересно.

Пирующие расположились на трех больших ложах. Аристокитон находился по правую сторону от хозяина на почетном месте. Хенельга сидела перед ложем на жестком табурете, ее колени упирались в столешницу.

Гостей баловали скромным угощением. Из кратера лилась вода с одной, двумя каплями вина.

Хенельга приглядывалась к хозяину дома. И первая, и вторая молодость прошли у него. Время и ветер смели с его головы все волосы, а оставшиеся выбелило. Этот человек не утратил зоркости глаз и ясности ума. На все вопросы он отвечал сразу, почти не задумываясь.

Торговлю он вел на юге, его суда заходили в Виорент, пересекая канал. С севера данай вывозил соленую рыбу и зерно – основной продукт экспорта Саганиса. Ни янтарь, ни меха, ни рабы так не ценились, как зерно. У этого товара только один недостаток – огромные объемы.

Обеспечение южных полисов едой основная обязанность колоний.

Разрастающееся население, готовящееся к войне, потребляло сотни тысяч медимов зерна. Один полис мог съесть корабль за день!

К сожалению, имени этого человека Хенельга не узнала. Пирушка друзей, которые друг друга знали, а рабыню никто не подумал знакомить со свободными. Она была предметом, что украшала стол. Возможно, Хенельга сейчас смотрела на своего нового хозяина.

Наконец, речь зашла и о ней.

– Вот мое сокровище, что боги послали в великой милости своей в мой дом, – сказал Аристокитон, указывая пальцем на женщину.

– Что ж, ее тело подстать тем творениям, что ты нам преподносил, – отметил один из гостей.

Он достал подвеску, на которой болтался священный карп. Хенельга узнала свою поделку. Как забавно, но именно священная рыба Мефона теперь находилась на шее даная. Скорей бы он вышел в море, эта подвеска станет камнем, что утянет его на дно во дворец Хозяина.

– Да, творить прекрасное прекрасным невозможно, – говорил другой.

– Напоминает мне коня, что своей формой отличен от человека...

– Естественно!

– А значит, конь не идеальное существо. Однако же, он прекрасен в беге своем, а как мы радуемся, видя двойку несущихся к финишу победителей.

– Заслуга в победе не только у тягловых животных, как фаланга без стратега, они не пришли бы к финишу первыми.

– Потому венком награждают возницу, а не коня.

– Потому и мы наградим нашего друга венком, – провозгласил хозяин дома, поднимая кубок, – того самого друга, готового разделить успех с равными. Он пробудил спящий в женщине успех.

– Право же, я только раскрыл ее таланты, – скромничал Аристокитон.

Как бы он ни спорил, но венок из местных цветов стал украшением его головы. Пирующие принялись петь песнь, прославляющую богиню Победы. Хенельга украдкой закатила глаза.

Не сказать, что ее смутила слепота данаев, но их общая окостенелость буквально сводила с ума. Значит, она всего лишь лошадь, которую мудрый хозяин поставил под ярмо. Сама лошадь до такого счастья не додумается.

Злости Хенельга не чувствовала. Узкий пояс не позволял ей появиться. Пояс придуман, чтобы держать спину прямо, поддерживал грудь.

Закончилась песнь, осушены кубки, пирующие продолжили беседу:

– Славная удача, подарок богов, почему ты дал ей имя Фризия? – спросил хозяин.

– Полагал, что она из окрестных варваров, – ответил Аристокитон, принимая кубок.

Виночерпий закончил раздачу и вернулся на место. В разговор мужей он не вмешивался, хотя и был свободным, но самым молодым среди них. Он встретился взглядом с Хенельгой и тут же отвел его.

Видать, потянуло на экзотику.

– Нет, местные не искушены в искусстве резьбы.

– Согласен, хотя их поделки тоже неплохие. Звериный стиль мне очень нравится.

– Пусть так. Дальше нашего славного Саганиса эти обереги не идут. Виорент не интересуется ими. Лишь рипены, купленные в качестве стражей, приобретают их.

Аристокитон кивнул, рассказав, чему стал свидетелем. Сколь чудные он изделия не привозил на юг, на них смотрели не как на самобытные изделия, а как на жалкие потуги повторить творения цивилизованных людей.

Всё, находящееся за кругом земель, есть тьма и грязь.

Варвары, использующие золото и серебро для брошей и амулетов, оскверняют благородные металлы.

– Потому наши собраты покупали их на вес, как металл, – закончил Аристокитон и добавил, подумав: – Впрочем, я не остался без прибыли.

– Южане не жили в наших холодных краях, им не понять, – успокоил лежащий справа друг и поднял кубок. – За Саганис и его граждан!

Выпили, на время беседа прекратилась. Внимание граждан Саганиса переместилось к столу.

– И ты угощайся, Фриза, – разрешил Аристокитон.

Хенельга благодарно кивнула и взяла одну маринованную сливу. Долго ее мусолила, прежде чем съесть. Иначе бы не удалось протолкнуть через сжатый пищевод.

– Благородство души в неблагородном теле, – заметил данай.

– Даже варвары не чужды красоты. Их женщины понимают, как следует вести себя под взглядом мужей.

Хотя само по себе присутствие на пирушке уже неприлично. Она рабыня. Пусть изображает матрону, коль считает это необходимым.

Гости не удивились бы, начни Хенельга пожирать все, что находилось на столе, с жадностью волка.

Хенельга неспешно пила разбавленное вино. Ей наливали не из общего кратера, а принесли отдельный кувшин с напитком. Смесь крепче, чем у свободных.

– Красивая одежда едва ли сделает ее похожим на человека, – подал голос один из друзей.

– Фризийские рабыни в красивом гиматии лучше, чем без оногo, – возразили ему.

– Не станет ли ее внешний вид оскорблением?

– О том я и желал спросить вас, друзья, – вздохнул Аристокитон. – Понимаю, что дарить намерен ее талант, боюсь, оскорбить достойного человека. Не каждый способен оценить подарок, со стороны как он будет выглядеть?

– Не беспокойся, я заранее предупрежу его, – махнул рукой хозяин пирушки, – в нашем возрасте уже не радуют сюрпризы. Мы жаждем внимания.

– Именно это я и намерен сделать, друг мой! – воскликнул Аристокитон, поднимая киаф.

– На том и сговоримся. За удачу! За удачу нашего друга! Пусть боги и каждому из нас преподнесут такой неожиданный подарок!

После возлияния, закрепившего сделку, Хенельгу увели. Ее показали благородному собранию. Более присутствие рабыни не требовалось. Мужчины желали отдохнуть, освободившись от назойливого внимания женщин. Даже рабыни могли нарушить чистоту их общения. В саду остались лишь прислужники, заботящиеся о господах.

Оказавшись снаружи, Хенельга ослабила пояс и вздохнула полной грудью. В животе булькало выпитое вино, которое все же ударило в голову. Никого во дворе, дом спит. Свет доносился с кухни, где на остывающих углях дожидался своей участи праздничный ужин.

Хорошая возможность, чтобы сбежать.

Хенельга отогнала мысль. Ей нужна удобная одежда, накопленные деньги и что-нибудь в качестве оружия. Искать все это здесь, бессмысленно.

Да и в голове шумело. На трезвую голову сбежать безопаснее.

Никто не наблюдал за женщиной. Хенельга пробралась на кухню, где стащила каравай и кусок сыра. Пока рабы обслуживали господ, сделать это не составило труда. Утолив голод, наконец-то, удалось избавиться от опьянения.

Пусть Виал часто ее баловал вином, все же это состояние не нравилось Хенельге. Она не отказывалась от подарков патрона, хотя в душе чувствуя опасность зелья. Само питье ей очень нравилось, но выпитое приводило в состояние, похожее, на болезнь. Менялось сознание и тело, происходили метаморфозы, о которых постоянно толковал Виал.

В кругу друзей изменения не приводили к плохому. Здесь же, в душе начал гореть огонь, более не сдерживаемый дурацким поясом. Хватило бы легкого касания, чтобы огонь вырвался наружу.

Гости пировали долго, наступил новый день. Хенельга успела остыть и встречала господина легкой улыбкой. Аристокитон пошатывался, глаза блестели, а голос стал низким. Теперь он говорил медленно, речь стала понятной. За полетом мысли этого человека теперь удавалось попевать.

– Пойдем, счастье мое, – Аристокитон взял Хенельгу под локоть и повел на выход.

Перед ним возник раб с факелом, который проводил их до дома.

Аристокитон еще распинался о перспективах, мечтать о которых не мог ни один раб. Хенельга слушала его вполуха, занимаясь на кухне тем, что собирала еду в узелок. Кроме того, ей понадобится несколько ножей, подходящие для самозащиты.

Настоящего оружия найти не удастся. Придется пользоваться бытовыми предметами.

Из одного угла в другой ходила Хенельга, оставляя на кухонном столе припасы.

– Твои умения найдут применение в мастерской, – повторил Аристокитон, закатив глаза к задымленному потолку, – нашем совместном предприятии. Уверен, что архонт Фокл согласится вложить в мастерскую свои средства. Слава Саганиса его извечная тема для дум. И тебе, моя девочка, это принесет пользу. Не только любимым делом ты будешь заниматься. Рано или поздно упорный труд принесет тебе свободу, сможешь выйти замуж, а твои дети даже станут гражданами!

Хенельга остановилась, словно прислушивалась к болтовне хозяина. Она заметила метлу, чей черенок вполне можно переделать.

Сбив прутья, Хенельга принялась остругивать черенок.

– О, тебе уже не терпится взяться за работу! Похвально, похвально, но все же отдохни, моя удача. Побереги свои ручки. Их еще предстоит показать архонту Фоклу. Скоро праздник, он будет рад увидеть, как ты творишь этими пальчиками столь прекрасные изделия.

Аристокитон встал, не боясь ни ножа, ни заостренной палки, приблизился к Хенельге. Взяв ее за руки, хозяин крепко их сжал и улыбнулся.

– Ты станешь прекрасным подарком для него.

– Каким еще подарком? – только тут Хенельга обратила внимание на болтовню хозяина.

Моргнув, Аристокитон сказал:

– Подарок для архонта и его сына. Я же весь вечер описывал, каким будет наше будущее.

– А, понятно. Я рада.

Хенельга не двигалась, ожидая, пока хозяин отпустит. Сейчас вино говорило за него, мешая уснуть. Он уже выговорился, зов плоти отвлечет и уведет из кухни. А потом он уползет в свою спальню. В общем, надо только дождаться, помеха сама уйдет.

– Рада? Ты должна быть счастлива! Счастлива за хозяина, за Саганис и даже за себя! Я дарю тебе свободу...

Аристокитон осекся, но свидетелей его слов поблизости не оказалось. Освобождение рабов у данаев проходит без глупых процедур, принятых у западных варваров. Хозяин отпускает раба, когда ему захочется и ни сенат, ни государство в целом не смогут заставить его платить за милость.

– Моя помощь в твоём предприятии принесет тебе свободу, уважение в обществе.

– Замечательно.

– Именно ты станешь основателем мастерских резчиков в Саганисе. Прославишься во всех Обитаемых землях!

В глазах хозяина читалось сомнение.

В свои-то слова он верил, но не видел отклика в глазах рабыни. Как бы ни пыталась Хенельга, она не могла заставить себя мыслить, как раб данаев. До поры туман скрывал ее мысли от взоров господ, а сейчас – словно в насмешку, – бог вина, славный Лиэй, так изменил восприятие Аристокитона, что данай смог увидеть истину.

Вино не ослепило его, а придало ясности рассудку.

Хозяин увидел набор ножей, узелок с едой и небольшой кувшин с вином на столе. Увидел заостренный черенок в руках рабыни.

– Что все это значит?

– Я ухожу, – вздохнула Хенельга, – мне тут надоело.

– Ты моя собственность, ты не можешь уйти.

– Я же из варваров, забыл? – она попыталась улыбнуться.

Говорить надо так, чтобы собеседник слышал то, что желает. Тогда ты сможешь его перехитрить.

В этот раз знания, приобретенные у Виала, не помогли. Винный бог вмешался, отравив своим зельем глухого и слепого гражданина. Вино способно не только развязывать языки,

могущества изменяющего зелья хватит, чтобы сделать свободного, гражданина тем же варваром. Пусть на время, пока длится опьянение.

– Мне надоело, я тебе помогла, но мне пора уходить. Я здесь оставалась, чтобы перезимовать. У нас в степях лютые зимы. Пора вернуться в нашу хижину, на кочевья...

– Ты не из фризийцев, – возразил Аристокитон, отступив на шаг. – Не из рипенов.

– Ты же сам дал мне имя.

Он уже не слушал, медленно отступал. В сердце Аристокитона возник страх. Не понимая ситуацию, он пришел в ужас. Мозаика сама собой собралась, в уме возник ясный образ.

Внешность, умения женщины, а так же ее знание языка. На данайском она говорила лучше колонистов. В ее речи чувствовался акцент, а диалект она использовала пифенский. Но в славном полисе не встречаются подобные варвары. Она издалека.

Аристокитон взглянул на рабыню, зажмурился и открыл рот, чтобы позвать домашних. Пусть схватят шпионку! Свяжут! Перережут ей глотку! А после прикопают в саду.

Нельзя сообщать о том, что она шпионка западных варваров. Такой позор разрушит карьеру гражданина, низвергнет его в нищету. Архонт Фокл заявит на собрании об изгнании! Вечный позор будет преследовать потомков...

Крикнуть данай не успел. Заточенный черенок не пробил кожу. Хенельга навалилась на черенок, придавив Аристокитона к стене. Давила точно в центр груди, сжимая грудную клетку. Крик перешел в сиплый выдох, боль от удара лишила даная сознания.

Умирать он не торопился, свалился на пол, закатив глаза. Из рта текла то ли пена, то ли слюна.

– Проклятье, – выругалась Хенельга.

Она надеялась, что импровизированное копье поможет разобраться с этим болтуном. Быстро, безболезненно и даже будто в бою.

Уйти теперь никто не мешал. Хенельга взглянула на обездвиженное тело, размышляя.

Его нельзя оставлять тут. Он придет в себя. Расскажет.

Покачав головой, Хенельга вернулась к столу, взяла нож. Убивать человека вот так, словно свинью, она не умела, не обучена. Это гадкое убийство, нельзя лишать жизни того, кто не представляет прямой угрозы.

Дождаться, пока Аристокитон очнется, Хенельга тоже не могла. В любой момент в кухню могла прийти какая-нибудь рабыня.

Занеся нож над лежащим, Хенельга остановилась в самый последний момент. Она вспомнила о законах, что связывают по рукам и ногам этих странных людей, называющих себя цивилизованными.

Смерть господина, в его собственном доме, под крышей с другими рабами...

Хенельга покачала головой. Эти люди ничего для нее не сделали плохого. Пусть в будущем они могут погибнуть от рук воинов из Гирции. Убив их хозяина сейчас, Хенельга бы приговорила к смерти два десятка человек.

Взглянув на припасы, женщина вновь вздохнула. Опять план пошел в Бездну. Вернув собранные вещи на их места, Хенельга привела кухню в порядок. Остатки метлы бросила в очаг, с собой взяла нож и самодельное копье.

Хозяин начал приходить в сознание. Времени мало.

Хенельга порезала гиматий, обрезками связала Аристокитона и заткнула ему рот. Следовало бы придушить болтуна, но на такое она уже не осмелилась. Открыв дверь, ведущую во двор, Хенельга взвалила даная себе на плечи и пошла к воротам. Проклятая калитка бесконечно далеко. Надо пересечь весь двор, где наверняка ее заметят.

Зато через центральные ворота удалось выйти незаметно. Сбросив на время груз, чтобы разобраться с запорами.

Тяжел данай. Хенельга спотыкалась под весом пьяной туши, но не могла остановиться. Да, темно на улице. Все спят. Мефон бережет поклонницу. Рисковать Хенельга не могла. Закончить работу, потом отдыхать.

Женщина добралась до стока, по которому из города выводилась грязь. Давно Хенельга заметила это место, рассчитывая использовать его для бегства. Женщина знала, что в конце пути будет располагаться решетка, которую невозможно отомкнуть.

Бросив Аристокитона в воду, Хенельга прыгнула в канаву. Оттащила тело дальше. Канавку закрывал деревянный настил, низ которого подгнил и серебрился плесенью. Едкий запах давил на грудь, забивал горло, вынуждая кашлять.

Мимолетно Хенельга подумала, что если это и есть их цивилизация, то лучше бы она осталась дома.

Оглушив Аристокитона, Хенельга взвалила его на плечи и понесла дальше. Она намеревалась нести его, пока опора под ногами будет надежной. Дальше – она знала, стенки канавы станут скользкими, увеличится уклон.

Добравшись до этого места, Хенельга бросила Аристокитона и, отвернувшись, перерезала пленнику горло. Кровь гражданина Саганиса смешалась с жидкостями, что текли из сердца города. Аристокитон покинул полис с тем, от чего добровольно и с наслаждением избавлялись все жители. Темные воды смыли кровь, тело в руках Хенельги перестало дергаться.

Сняв с трупа одежду, Хенельга ушла. Надеялась, что крысы вскоре расправятся с убитым. Обезобразят его лицо. Пусть Аристокитон пропадет, растворится в ночи.

Да, был свидетель – раб с факелом. Его будут пытать, чтобы он рассказал то, что и так рассказал бы. Но он скажет, что гражданин и его рабыня дошли до дома. Что случилось дальше – могут сказать боги. Пусть Мефон скроет эту истину.

Вот и решетка, Хенельга разделась. К сожалению, масло она не смогла взять, как задумала. Пришлось пользоваться иной смазкой. Еще не замерзшей, скопившейся на дне канавки.

На этот раз Хенельга оценила достоинства худобы. Хотя успела восстановить формы за месяцы, что жила среди данаев.

Ей удалось протиснуться сквозь прутья. Копье, нож и тряпки она выбросила на ту сторону.

Сток выходил в ручей, текущий за стенами Саганиса. По топкой жиже Хенельга пересекла ручей и вышла на берег.

Берег друзей. Берег, где творились чудеса. Где люди из ничего создали существо, покрывающее воду!

Идя вдоль берега, Хенельга взглядом выискивала черные паруса судов, подкрадывающихся к спящему полису.

Глава 4

На берегу по погибшим в бою гирцийцы устроили тризну. Лагерь разбили в гавани к северу от выхода из залива. Виал предположил, что тут их искать не будут. Это место приглянулось ему обилием дерева. Погибших нельзя оставлять. Пусть огонь видят и здесь, и на западе.

Дым, несущий души погибших, дойдет до отечества. Духи обретут покой.

С собой гирцийцы привели десяток пленников. Ценность данайских навтесов невелика, хотя на рынке гирцийцы смогли бы получить за каждого по десять монет. Товарищи не искали заработка. Моряки выдали пленников.

– Без сопровождения не принято спускаться, – говорили люди.

Эти слова стали единственным проявлением чувств, что позволяли себе гирцийцы. После боя, когда схлынула ярость, оставив после себя усталость и опустошение, люди смогли оценить, какой ценой им досталась победа. Гирцийцы пережили тяжелый бой. От разгрома их спас командир. Только благодаря его смекалке удалось вырваться из пасти залива. Люди не вспоминали или не хотели вспоминать, что именно Виал привел их сюда.

Впрочем, они не пираты, не рыбаки и не контрабандисты. Военные моряки и пехотинцы выбрали это ремесло сами, так что нечего им отсиживаться в порту. Это у мастеровых и обслуги не осталось выбора. Их прикрепили к флоту.

Сейчас все это не имело значения. На берегу собрались воины. Кто мечом, а кто веслом выковывал победу для отечества.

Ближайшую рощу вырубил, стругами избавили стволы от ветвей и коры. Стволы плотники распустили на доски. Свободные от вахт и строительства моряки сносили к погребальному костру камни. Пехотинцы им помогали, ведь покойники из их когорты будут лежать с гребцами.

В отряде имелся человек, умеющий работать с камнем. Он выбивал на крупных камнях надпись, посвященную погибшим. Виал не утверждал текста надписи, доверяя людям. Навклер убедился, что в посвящении содержится все необходимое: имена погибших, место боя, обращение к потомкам.

– Пусть этот берег впитает нашу кровь, ведь он принадлежит нам, – сказал Виал.

Навтесы с хмурой радостью ответили согласием. Только кровью оплачиваются завоевания. Каждый воин, независимо от своих воззрений, понимал, что они сражаются ради расширения границ Государства.

Потомки этих моряков и пехотинцев будут жить здесь, не данаи.

А ради этого стоит пролить кровь.

Виал собирался вмешаться в строительство, взять стругу или топором валить деревья. Моряки отогнали командира, заставили его вернуться в лагерь. Командиру не следует касаться погребального костра.

Жреца в отряде нет, все ритуалы исполнял командир вексилляции. В бою не просто сохранять чистоту. Виал погрузился в воду, позволяя волнам смыть с души грязь. Все, что прилипло после боя, унесло в море, ушло на дно: гневные души данаев, привлеченные кровью призраки и духи, всякие утопленники.

От соленой воды пощипывало рану на руке. Кровь не текла, места разреза на запястье воспалились. Виал оставался на ногах, что радовало и офицеров, и команду. Чистая рана, которая затянется.

Виал поднял руку, взглянул на розовый разрез и усмехнулся. Вечно страдает левая сторона. Это объяснимо, ведь боец защищается щитом, выставляет левую руку в бою.

– Командир! – крикнул с берега пожилой кибернетес. – Хватит морозить задницу, давай сюда!

Виал не чувствовал холода. Лишь морская вода помогала вернуть ясность душе. После боя всегда тяжело восстановиться. Кто-то уходит в загул, другие чувствуют страх и печаль, случаются драки, старые конфликты выдавливаются наружу. Гнойники грозят лопнуть, но только не с Виалом.

Сидение в волнах ему требовалось, чтобы успокоиться, а не вернуть крепость духа. Иначе, навклер сорвался бы, дернул людей с берега, не позволив им оплакать погибших. Впереди еще много побед, а приходится сидеть здесь на берегу полуварварских племен.

– Командир!

– Да иду я.

Подчинившись воле Телеза, Виал вернулся к людям. Ждал, пока сложат костер.

– Твоя рана, протереть надо, а потом заштопать, – Телез указал на порез.

– Царапина.

– А я требую. Откажешься, так позову Каписа.

Вдвоем им удастся «убедить» навклера.

Виал пожал плечами, раз так хочет, так пусть займется шитьем.

Расположившись возле костра, Телез обработал рану навклера губкой, смоченной в укусе. Виал смутно почувствовал боль. Не очень хороший знак, подумал он. Хотя не понимал, чем вызвана эта беда. Ни гноя, ни воспаления нет, так почему же он не ощущает боли? Точнее, просто не обращает на нее внимания.

Телез взглянул на навклера. Пришлось изобразить на лице страдания, чтобы успокоить подчиненного. Обработав рану, Телез принялся сшивать ее. Бронзовая игла быстро тупилась, приходилось подтачивать ее кончик о камень. Нить дергала края раны, но Виал не ощущал беспокойства.

– Вот у тебя шкура, командир! А тот, что тебя порезал, потом удивился, уверен, чего нож так затупился?

– Возможно.

– Все же, беречь себя надо. Место командира не впереди, вон парней полно здоровых. Сами бы сдюжили.

– Парни нам еще понадобятся. Где я их в этой стране возьму?

– Так погибнешь, лучше будет?

Телез наложил на рану повязку. Треть трофейной парусины ушло на раненных, обмотки и саваны для покойников.

Виал улыбнулся. Не понимает его подчиненный, что командиру не суждено погибнуть от руки данаев. Не сейчас. Навклера ведь не призвали.

Больше чем рана, Виала заботили потери. Погиб один корабль, но взят другой. С потерянного корабля уцелела треть команды, остальные или утонули или умерли от ран. Потерял десяток морских пехотинцев – это хуже всего. Они приняли на себя основной удар во время абордажа. И хоть их погибло меньше, но потеря каждого воина ощутимо снизила эффективность.

Тяжелые уже всё.

День пути до этой гавани отнял у них еще пять человек из моряков. Остальные смогут восстановиться, проведя полгода в госпитале. Виал просчитал свои дальнейшие шаги. Еще не сообщил об этом команде и офицерам.

Моряки закончили сборку погребального костра. Наверх затаскивали тела погибших.

Бой занял меньше времени, чем похороны. Вот цена сражения, молнией разящей время.

Виал подошел к погребальному костру. Моряки затащили пленных данаев наверх, усадили рядом с мертвыми. Пленники облаивали победителей, проклинали их и называли варварами. Словно данаи не совершают жертвоприношения.

Судьба пленников в руках центуриона. Вооружившись бронзовым ножом, Капис забрался на пирамиду и по очереди перерезал глотки пленникам. Кровь пролилась на свежее дерево. Смолянистый запах перемешался с металлическим. Виал облизал губы, смакуя аромат смерти.

В глазах моряков читалось то же мрачное наслаждение.

Заходящее солнце освещало пирамиду и тела на ней. Умиравшие захлебывались в крови, дергались в предсмертных конвульсиях.

Следовало сказать слово, но Виал понимал, что сейчас не время речей.

– Благодарю, Мефон, за покровительство, – сказал навклер и обошел пирамиду.

Запалив костер с четырех сторон, он отошел в сторону. От мощного жара скручивались волосы, от дыма слезились глаза. Никто не шевелился, наблюдая, как с дымом уносятся в небо души погибших.

Не все из них были поклонниками морских божеств. Кто-то устремится на небо, другие задержатся, ожидая, когда с дождем они вернутся в соленые воды. Все духи найдут путь в отчий дом.

Жар огня опалял черную стену склона. Взорвалась амфора с вином, оставленная, чтобы утолить жажду духов. Запах горящей плоти не чувствовался, его затмевал смолистый дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.